

Живые картинки

Н. Шоластер

Глава 1

Так все и началось

Однажды на пороге художественной студии одного маленького городка появились эти двое, они были совершенно одинаковые, словно две капельки дождя, только один из них был большой, уже взрослый, а другой маленький, совсем еще ребенок. Они так смешно держались за руки и почти синхронно топтались у входа, что казалось, это ветер колышет два листочка на веточке дерева. Скованные своей нерешительностью и оцепеневшие от удивления, они широко открытыми восхищенными глазами, осматривали залитую ярким светом мастерскую. У мольбертов стояли настоящие волшебники, творившие чудесные сказки на своих белых холстах, а между ними важно расхаживал их главный волшебник и руководил всем процессом.

Увидев растерявшихся посетителей, неловко застывших у входа, чародей подошел к ним и вопросительно приподнял брови, как бы спрашивая их о цели визита.

- Здравствуйте! Вы Юрий Сергеевич?- спросил старший из очарованных визитеров.

- Да, это я, а вы по какому вопросу?

- Понимаете, мой сын, мечтает стать художником. Он уже изрисовал все тетради дома и теперь покушается на стены. Я совсем не разбираюсь в этом

и ровным счетом ничего не могу сказать о его способностях, поэтому хочу, чтобы он занимался в студии под руководством опытного педагога.

- Понимаю, но у нас, к сожалению, прием уже закончен, учебный процесс давно стартовал, и будет крайне сложно догнать программу, да и места у нас также ограничены, и мальчик очень мал, мы обычно берем с семи лет, а ему по виду еще и пяти нет. Приходите хотя бы на следующий год!

Мужчина явно расстроился, его взгляд моментально потух и, окаменев, устремился в далекое пространство, словно где-то там можно было укрыться от внезапно настигшей боли. Малыш грустно опустил голову и стал созерцать половицы, приготовившись к «слезоизвержению».

- Ну, раз мы уже здесь...ну, хотя бы просто посмотрите, как он рисует, Что-то, может, подскажете, какие-то рекомендации дадите, да и вообще, тот ли путь мы выбрали. Может нам забыть про это все... потихоньку?

- Ну, давайте посмотрим, - сказал, грустно вздохнув, Юрий Сергеевич и обратился к малышу –

- Как же вас зовут, молодой человек?

- Вася,- тихо ответил мальчик.

- А отчество как?

- Василий! – Вася почему-то думал, что отчество это и есть имя, но только более солидное и мужественное. Юрий Сергеевич улыбнулся и продолжил.

- А папу-то как зовут?

- Коля...

- Ага, значит вы Василий Николаевич! Итак, Василий Николаевич, вот вам лист бумаги, нарисуйте, пожалуйста, человека.

Василий взял карандаш и начал рисовать. Причем начал он с ног, что уже, безусловно, было ошибкой. Это снова вызвало снисходительную и усталую улыбку у преподавателя. Конечно, все пропорции были нарушены, рисунок получался неестественным, но вдруг, улыбка стала медленно исчезать с лица учителя, а взгляд становился более внимательным и серьезным.

За годы работы в художественной студии Юрию Сергеевичу тысячу раз приходилось доказывать людям, что умение рисовать, совсем не означает всенародного признания великого гения, равно как и наличия этой самой гениальности. Да, научиться рисовать правильно можно, но настоящее мастерство дается только свыше.

- Так! Василий Николаевич, а нарисуйте-ка теперь бегущего человека, - сказал учитель, подавая еще один листок, - и постарайтесь не рисовать ноги

такими большими, если вы уж с них начинаете, чтобы нормально уместилась голова.

Вася снова начал сосредоточенно рисовать, полностью увлекшись этим процессом, казалось, он совсем потерял интерес ко всему происходящему вокруг. Он был словно в другом мире, далеком от студии и города, в своем волшебном мире красок и холстов.

- Николай..., простите, как ваше отчество?

- Николай Васильевич, конечно! Что, все так плохо? Полная безнадега?

- Николай Василич, ой, простите, Николай Васильевич, мест нет..., но я все равно приму Василю в студию. Понимаете, он, и это очевидно, совсем не умеет рисовать, но он просто не знает как. В его картинках, при всей их такой несуразности, присутствует то, чему научить невозможно. Я на них смотрю, а они как живые, суметь передать все нюансы движения, выражения глаз, это только от Бога или, если хотите, от природы!

Юрий Сергеевич взял первый рисунок и с восхищением продолжил свою маленькую лекцию.

- Вот посмотрите, первый персонаж взирает прямо вам в глаза и, как бы, извиняется, что голова полностью не уместилась на листе. Вот, он и наклонил голову..., а глаза-то какие! Второй человек, - он кивнул на следующую Васину картинку, - точно бежит, это чувствуется по наклону его фигуры, и опять же глаза...сразу видно, против ветра бежит, ветер в лицо дует!

Тут Николай Васильевич сам чуть не расплакался. Он знал, он чувствовал, у Васи есть способности, и этому, наконец-то, нашлось подтверждение. Такая оценка от профессионального человека очень много значила сама по себе. И на всем белом свете теперь не нашлось бы счастливее людей, чем эти двое. И вот, заскрипели ленивые двери судьбы, нехотя открывая первую страницу новой книги, ослепшим от нахлынувшего счастья, людям! Беспечные, они не знали истинную цену, не знали и того, о чем, еще более важном, умолчал Юрий Сергеевич - что на самом деле так потрясло его в Васиных картинках.

Вот так все и началось ...

Глава 2.

Лео

- Василек, ворота держи, левый угол, не дай им забить! – кричали пацаны, но куда там, мяч, словно снаряд, просвистел мимо растопыренных Васиных рук и влетел между двух кирпичей, изображавших футбольные ворота.

- Гооол! – радостно заорали Витька с Пашкой. Да, это был уже третий гол пропущенный Васей, и «наши» позорно проиграли соседям.

- Эх, Вася! Ты что в защите, что на воротах..., сплошной «Вася»! – ворчали на него ребята.

Вообще-то его во дворе не обижали, он был самым маленьким, но играть с собой особо и не приглашали. Как слабое звено в команде, он всегда был в запасе. У всех во дворе были солидные клички: Юрку Климова звали «Клим», Сережку – «Серый», а Вася был просто «Васей», никакого почтения! Конечно,

это сильно огорчало, хотелось уважения, внутри-то он себя чувствовал более сильным и умелым, но в реальности все было не так.

Иногда он сравнивал себя со львом из сказки «Волшебник изумрудного города», который так же мучился из-за несовпадения своего статуса – царя зверей, с реальным положением дел. Вася очень любил эту сказку, и когда научился читать, часто ее перечитывал. А еще он рисовал всех ее героев, как хороших, так и плохих, любил передавать их образы в рисунках. Он совсем и не думал об этом, просто это занятие было ему по душе, и как-то само собой, рисунки получались очень реалистичными, да настолько, что порою казались живыми. Рисовал он, как мог, и не все получалось хорошо, но поступление в студию, многое поменяло к лучшему.

Лев у Васи получился старым и добрым, похожим на дедушку. Доброта, золотистым ручьем от макушки до лап, так и стекала по его лохматой гриве, которая местами прикрывала шрамы и частые морщинки – следы суровых львиных будней. Но глаза! Они были просто источником добра и света, и совсем не по-звериному смотрели прямо в душу. И настолько они казались живыми, что даже меняли свое выражение в зависимости от его, львиного настроения, от погоды и разных жизненных обстоятельств.

Как же ему были близки и понятны переживания главных героев сказки, их всех объединяла мечта получить недостающие качества, так необходимые для построения успешной жизни. Но думать о любви Васе было еще рано, а голова у него была набита отнюдь не соломой, вот силы и храбрости ему, как раз, очень не хватало, поэтому лев был ему ближе всех. И так получилось, что стали они большими друзьями. Вася придумал ему новое имя - «Лео» и его рисунок теперь всегда находился на самом почетном месте в Васиной комнатке.

- Ну почему мне так не везет? Опять сегодня напропускал целую кучу голов! Меня не хотят брать в команду! – жаловался Вася своему другу на рисунке.

- Да ты боишься мяча! А ты не отворачивайся от него, а разозлишь и схвати! Это же не кирпич, в конце концов, – неожиданно, человеческим голосом ответил Лео.

- Ого, ты говорить умеешь!

- Да любая картинка может говорить, если она хорошо нарисована и автор ее очень любит.

- А почему тогда другие картины не разговаривают? Их, значит, плохо нарисовали?

- Нет. Просто они не со всеми разговаривают, только с кем хотят.

- Значит, ты со мной хочешь разговаривать?

- Да, ты хорошо рисуешь, любишь меня и веришь в мое существование.

Так их дружба еще больше укрепилась и перешла на новый уровень. А на следующий день ребята опять играли в футбол. На «наших» воротах должен был стоять Колька, но его не выпустили гулять за двойку по математике и ребята нехотя предложили Васе заменить его. Больше-то и некому было.

Мяч стремительно и, как-то уже, по привычке летел в «наши» ворота! Клим, предвидя очередное позорное поражение, разочарованно махнул рукой и отвернулся, но тут Вася с диким ревом кинулся на мяч, схватил его и крепко прижал к себе. Пашка даже опешил от такого поворота событий и замер, тараща удивленные глаза. Как же так, это же был неминуемый гол! И марш победы фанфары уже трубили, предвидя сокрушительное поражение противника! И тут вдруг все оборвалось! Такого никто не ожидал.

А Вася, крепко сжимая мяч, гордо глядел на оторопевших и «наших» и «ваших», так обычно во дворе назывались противоборствующие команды. Сделав несколько уверенных шагов вперед, он вбросил мяч в игру. Сегодня Фортуна явно была на стороне «наших», и игра закончилась их уверенной победой.

- Ну, Василек, ты даешь! Молодец, наш пацан! Пусть все теперь знают, что у наших ворот появился надежный вратарь! – торжественно подытожил результат матча Клим и похлопал Васю по плечу. Затем, каждый из команды подошел к нему и крепко пожал руку.

Весь наш двор ликовал, а соседи удивленно покачивали головами, мол, «ничего себе, поворот событий! Вот тебе и Вася - «пустые ворота!» Так его называли в соседнем дворе.

Вернувшись домой, Вася сразу бросился к Лео, стал его благодарить и рассказывать ему «в красках», как все происходило.

- Да ладно, я всего лишь посоветовал, а делал ты все сам! Я никакой не волшебник, просто так, кое-что умею. Кстати, ты не забыл случайно, кто меня нарисовал? Вот! – с этими словами Лео хитро улыбнулся и подмигнул Васе.

- Но главное, ты мой друг, ты мой настоящий друг, Лео! – ответил Вася и аккуратно коснулся ладонью рисунка.

Глава 3.

Тая

Дни летели, будто осенью листья с деревьев, плавно в танце кружась и беспорядочно покрывая землю. Так и жизнь плясала и пела, пока по небу летела, но потом к земле прилипла и застывала, словно вечная память на пестрых листьях. Ну, а пока, набирая все больше силы, жизнь и не думала о кончине, и бесконечным казался ей этот полет...

- Привет, Василь! Дружище, фантаст! И какую премудрость твоя светлая голова нафантазировала на злобу грядущего дня? – поинтересовался его закадычный друг по студии, Гена Дельцов, которого, все знакомые звали не иначе, как Гендель. Художественное воображение настолько сильно будоражило умы практически всех учеников студии, что даже, если кто-то вдруг и не знал о существовании композитора с таким именем, то, хотя бы, интуитивно чувствовал нечто старинное и величественное в его звучание.

- Я тут подумал, а что, если мы попробуем дорисовывать картины друг друга! Ведь у каждого из нас что-то хуже, что-то лучше получается, а вместе поработаем, глядишь, и чудесная картина нарисуетя!

Вообще-то Василь сегодня не был склонен к фантазиям, но чтобы не утратить свою репутацию «генератора нестандартных идей», озвучил эту, с его точки зрения, не очень полезную затею.

- Ребята, перестаньте ерундой заниматься! «Чудесная картина» у них, видите ли, нарисуетя! Сегодня будем работать со светом и тенью. А всякие свои эксперименты ставить будете после уроков, один - уши от Чебурашки, другой - хвост от собаки, третий - рога от козла. Чудесный монстр у вас получится, это точно! – предотвратил сию авантюрную игру Юрий Сергеевич. И все весело захохотали, представляя себе подобную картину.

- Чебукозел получится! – подытожил Василь, заливаясь звонким смехом и не находя в себе силы остановиться.

День прошел в усердных трудах познания света и тени, и их влиянии на объем и характер рисунка. Хотя, не обошлось без приключений. Когда Юрий Сергеевич отлучился на пару минут, Василь все же дорисовал на Генкином листке глаза бездушному гипсовому бюсту - он не любил пустые глазницы, они постоянно ввергали его в уныние. Вернувшись, Юрий Сергеевич бегло посмотрел на работы юных художников и застыл у Генкиного рисунка.

- Варнавский! Я же сказал, без выкрутасов! И не делай невинное лицо, я все равно твою работу определю из тысячи! Лучше бы обратил внимание на свой этюд, по условию задачи свет падает на модель под углом, значит, один глаз должен попасть в тень!

- Но тогда и глаза не будет видно, получится одноглазое чудище! - пытался отстоять свою позицию Василь. Он считал глаза наиболее важной составляющей образа.

- А ты нарисуй так, чтобы глаз был виден, но почти скрыт тенью. Пойми, этим тоже можно выразить характер! Взгляд из тьмы, например. То ли дикая

злоба затаилась во мраке, то ли святая душа рвется на свет. А может это все хитрое лукавство интригу плетет, играет светом и тенью, пытаюсь, весь мир опутать ядовитым туманом лжи. Да так целый роман можно написать!

Эти слова учителя тронули Василя до самой глубины его души, он тут же вспомнил своего друга Лео, который, кстати, уже давно перекочевал на его левую руку. Пока в виде рисунка авторучкой, а татуировку делать Вася еще побоялся. Для всех рисунок был непонятен, поскольку был перевернут, и только Василь мог видеть его в нормальном положении, время от времени поглядывая на него, как на часы.

После занятий Гендель и Лена Мухина, для близких друзей просто Муха, отправились в гости к Василию, посмотреть его «галерею искусств». Она уже занимала все стены, когда-то, детской комнаты, почти не оставив свободного пространства. Там были гномы, феи, эльфы и другие персонажи из детских сказок, попадались и просто портреты каких-то вымышленных людей. Васе вовсе было не так уж важно идеальное сходство с конкретным персонажем, главнее всего для него было воплощение одушевленного образа. Ну, и на самом почетном месте его «галереи», конечно, красовался его старый друг Лео.

- О! А эту картинку я уже где-то видел, - сказал Гена, указывая пальцем на льва, - по-моему, он у тебя на руке. Это неспроста! Тут наверняка какая-то фантастическая история. Давай, колись, ты у нас мастер на всякие подобные выдумки!

- Да, это просто..., это мой...талисман!

- Ну, тогда понятно! А я думал, сейчас сказки начнешь рассказывать про всякие чудеса. Ну, так что, осуществим твой эксперимент по коллективному творчеству?

Вася вспомнил про Чебукозла и с ужасом представил, что будет потом с этой несчастной уродливой зверушкой, которую они вместе нарисуют просто так, для потехи. И отговорил, сославшись на то, что уже и вешать-то некуда. Не хотел он рассказывать даже своим самым близким друзьям о некоторых неординарных свойствах своих рисунков, и свое к ним отношение, это было бы уж очень похоже на детские фантазии, а он не хотел выглядеть ребенком в их глазах. Да и сам, по мере взросления, он все больше задумывался над реальностью того, что иногда происходит с его картинками. А вдруг все это существует лишь в его больном воображении, и он всем об этом разболтает,

и как же глупо он тогда будет выглядеть. Он был самый младший в группе, поэтому изо всех сил старался выглядеть взрослее, солиднее и мудрее.

Еще он был равнодушен к Мухе и все об этом давно знали, так что ему никак ребенком себя показывать было нельзя. Собственно, идея пригласить в гости Генделя и Муху, была продиктована сильным желанием произвести впечатление на Лену. Его рисунки действительно были привлекательны, хотя бы тем, что в них непременно присутствовала жизнь, а не набор старательно выполненных технических приемов.

- Так, так! Василь, я заметила, тут у тебя картина одна есть с девушкой у моря! Вот море там невероятно красивое, то, что надо, а девушка-то совсем даже не та! – ехидно сказала Лена.

- Да, та я, та! – вдруг в ответ сердито пробурчала картина.

Лена вздрогнула от неожиданности, перевела взгляд на Васю, снова на картину и опять на Васю.

- Вась, это...ты что-то сказал? Или мне послышалось?

Фраза действительно была произнесена вполголоса, так что невозможно было точно определить, кто ее произнес.

- А..., да, просто я сказал, что назвал ее Тая! Твой портрет еще впереди, даже не сомневайся!

- Василь, ловлю на слове! И обязательно на фоне красивого морского пейзажа! – Лене было приятно столь трепетное отношение к ней Василя, тем более что в силу своего возраста, он был еще весьма управляемым.

- Вот, вот, пускай меня рисует, а не других! - подумала она.

Наконец, насладившись созерцанием Васиных картин, наговорившись о молодежных своих делах, гости распрощались и ушли. А Вася вернулся к своим картинам и обратился к девушке у моря,

- Так, так! Значит, тебя Тая зовут! Вот и познакомились! Что же ты гостей – то так пугаешь?

- Так и я твоей Леночке, сразу видно, не очень – то понравилась! «Не та» я, видите - ли! Только пришла, уже свои порядки устанавливает!

- Лео, скажи, что такое с Таем происходит? Такие переживания! Неужели это ревность? – обратился Василий ко льву, изображая показное удивление.

- Да кто их, женщин, знает. У них, знаешь, в душе все так перепутано, как в их сумочках! – ответил Лео, хитро улыбнувшись и подмигнув.

Лена стала чаще приходить к Василю, он, наконец, нарисовал ее портрет на фоне синих морских волн с белыми барашками и яхтой вдалеке. И даже

чувствовалось свежее дыхание прозрачного морского воздуха, и все утонуло в нежных лучах утреннего солнца. Но Тая все больше и больше сердилась после ее визитов.

- Она тебя совершенно не любит! А ты этого просто не хочешь замечать, уверяю, «дружба» эта ваша добром не закончится!

- Так ты, что же, ревнуешь? Нет, ты прекрасна и я тебя очень люблю, ну, не любил бы, так не рисовал! Но ты картина, на картинах не женятся, а она человек и я ее тоже люблю!

Тая серьезно посмотрела на Василя.

- Да, мы картины, куда уж нам...

А жизнь, между тем, продолжала крутить свои волны, вращая по кругу дни и ночи. Она все больше прибавляла события, но неумолимо убавляла время. Впрочем, никто и никогда не замечает этого обратного отсчета до определенного момента. А он приходит, причем, всегда неожиданно, как бы из ничего и без видимой причины.

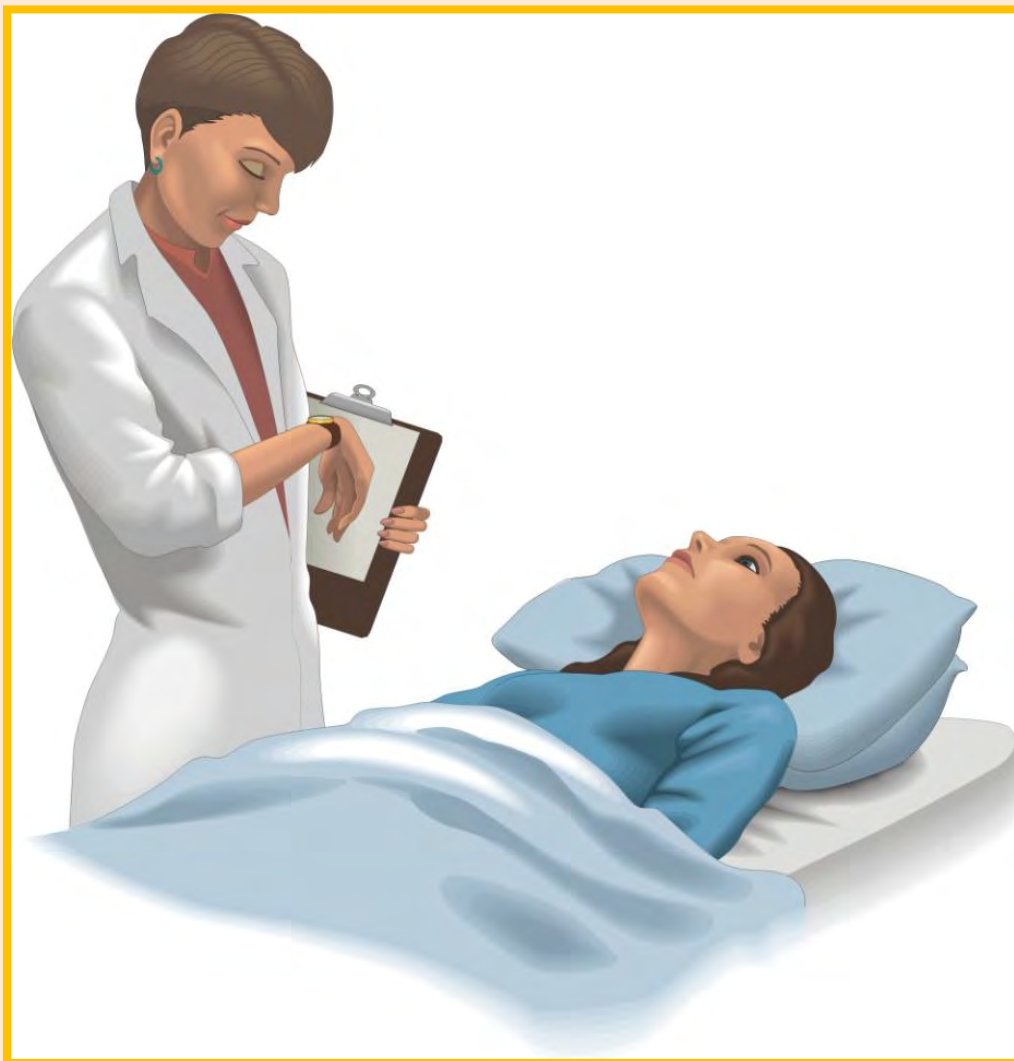
И вот, однажды после ухода Лены, Василий вдруг обнаружил, что Тая исчезла! Сначала он подумал, это Лена ее куда-нибудь спрятала или из-за глупой ревности выбросила вообще. Однако холст, на котором она была нарисована, остался на прежнем месте, только он был совершенно пуст! Не было и намека, что там кто-то, что-то рисовал. Василь в смятении кинулся к своему верному другу:

- Лео, что случилось, где Тая? Неужели ее Муха выбросила? Хотя, как она могла убрать рисунок, оставив пустой холст?

- Нет, Лена его не трогала. Тут, наверно, что-то другое..., надеюсь, время расставит все на свои места.... Только я тебе тут точно не помощник.

- Лео, ну прошу тебя, объясни мне, в чем дело! Куда она могла пропасть? Сбежала? Как же это могло произойти...

Но Лео молчал, только грустно смотрел, потом тихо вздохнул и опустил глаза...

Глава 4

Васильева.

*Каким всё странным кажется вокруг,
Когда ты вовсе не отсюда,
Когда ты без причины – просто вдруг
Упал на землю ниоткуда*

Она молча пробиралась по этому, совершенно новому для нее, миру со смешанным чувством панического страха и любопытства. Тут все двигались куда-то, часто в разные стороны и по разным причинам, и даже не замечая друг друга. Эти люди казались похожими на ожившие картинки, но живыми были только их тела, лица же были мертвыми, застывшими, как маски. За маской всегда можно легко спрятать что-то очень важное для себя, что не желаешь никому показывать. Еще их всех объединяло то, что они платили за свою жизнь!

- Зачем я так поступила? Чего мне так не хватало? Вот дура амбициозная, видите – ли, неприятно смотреть, как его любит другая. Так и он ее любит и это нормально. – Она задумалась, как бы взвешивая правильность своего поступка – Нет, я бы ни за что не смогла это вытерпеть, люблю его! И точно, навредила бы, а так, нет меня и нет! Значит, возвращаться нет смысла, надо как-то устраиваться в этой новой жизни или уже пропасть в ней совсем!

Так она шла, терзая себя сомненьями, по чужим для нее улицам, сквозь толпу чужих людей, равнодушных к ее печали. И тут, совершенно внезапно, нить ее скорбных размышлений оборвалась, а ленивое уличное течение потеряло свою равномерность. Все, что двигалось, вдруг резко поменяло свое направление и сбилось в кучу. Мощный удар подхватил ее и забросил в самую середину людского водоворота.

- Ну, вот и все! – подумала она. – Все сомнения мои и разрешились!

Кругом была вата, даже внутри головы, которая гудела, как огромный колокол и вибрировала, размывая свои очертания. К этому сумасшедшему звону примешивался истеричный визг автомобильного клаксона. Однако постепенно сознание успокоилось, как бы провалившись в глубокую яму с темной водой, мысли постепенно растворилось, и свет погас.

- Ну, наконец-то! С днем рождения, девушка! Как ощущения? – Разбудил ее бодрый голос. – Травма, к счастью, минимальная, просто сильный ушиб и потеря сознания. С вами хотят поговорить. Вы в состоянии сейчас отвечать на вопросы?

- Я...не знаю..., а что случилось?

- Ну вот, я же говорю, она ничего не помнит! Девушка, произошла авария, машина сбила несколько человек, вас тоже отбросило, но вы, как видно, в рубашке родились! Вот следователь пришел, хочет с вами поговорить.

- Здравствуйте, как здоровье? Вы говорить можете? – спросил мужчина с серьезным озабоченным видом.

- Да...говорить могу.

- Назовите ваше имя, фамилию, отчество и адрес проживания.

- Я Та...,- она запнулась, не могла же она рассказать все, как есть.

- Я же говорю, она сейчас в шоковом состоянии, ничего не помнит, так бывает – временная амнезия. Обычно это довольно быстро проходит, хотя бывают и более сложные случаи, тогда реабилитация может затянуться или вообще...инвалидность. В любом случае сейчас разговор бесполезен. – Как на лекции непонятливому студенту, ответила за девушку врач.

- Хорошо, когда она придет в норму, позвоните. Для следствия, думаю, это мало что даст, но все же формальности необходимо соблюсти. Вторая девушка, к сожалению, погибла, а на месте аварии был обнаружен паспорт на имя гражданки Галины Петровны Васильевой. Лицо погибшей так сильно пострадало, что невозможно определить ее ли фотография на паспорте, что же касается живой девушки, она не очень-то и похожа, но фотографии на документах бывают не лучшего качества. Однако же, их возраст, цвет волос, рост и комплекция примерно одинаковые. Так что, еще предстоит выяснить кто из них Галина Васильева. – Следователь недовольно поморщился, эта ситуация не вселяла в него ни капли оптимизма – да, погибшая никем не опознана, выжившая сама себя не помнит, а ему все это предстоит выяснить.

- Понятно, как что-либо прояснится, мы вам обязательно подскажем! До свидания! – облегченно вздохнув, сказала врач и обратилась к девушке – А тебе, красавица такое задание, плюнь на все это, лежи спокойно, отдыхай, сил набирайся! Память вернется, главное, что жива! – Она подмигнула, чтобы подбодрить бедную девушку, и пошла дальше, делать обход. По пути зашла в сестринскую.

- Рая, неизвестная наша пришла в себя.

- Ну, а следак что говорит?

- Так получается, что обе неопознанные – одна умерла, другая ничего не помнит. Следователь сказал, что паспорт принадлежит, весьма своеобразной девице, родители ее, в свое время были лишены прав, а она воспитывалась в интернате. Ну, а потом по кривой дорожке родителей...ни жилья, ни работы.

- Да, дела! Выжившая, значит, либо непутевая, либо потерявшая память. Вот перспектива – подворотня или психушка.

- Послушай, Рая. Девчонка-то не похожа совсем на гулящую или какую-то бродяжку, симпатичная с виду и ухоженная. Но если память не вернется, так жалко!

Чистенькая белая палата, больничная тишина и покой – живи и радуйся, но не может так продолжаться бесконечно. Рано или поздно придется-таки решать, кто ты, и как ты будешь теперь существовать в этой жизни. По всей больнице ходили разговоры о девушке с амнезией со всеми подробностями ее прошлого и будущей перспективы.

- Итак, вы утверждаете, что вы и есть Галина Петровна Васильева и проживаете по адресу...

- Да какой там адрес, сначала в одной общаге, потом в другой, потом где придется. Не помню я..., не все еще вспомнила.

- Так, ладно, это уже неплохо. Будем дальше выяснять, – сказал Виталий Николаевич, так звали следователя. Про себя же он подумал – А так было бы всем лучше – погибла неизвестная, а живая, вот она..., ну какая есть.

После некоторой паузы он произнес:

- Мы все проверим и вернем ваш паспорт, правда его придется заменить, он в ужасном состоянии, это займет некоторое время.

- Ну, а если его все равно будут менять, нельзя ли мне поменять заодно и имя?

- Оппа! Вот как! Ну, в принципе это возможно..., но, позвольте спросить, по какой же такой причине?

- Послушайте, я хочу начать новую жизнь и не хочу, чтобы меня что-либо связывало с прошлым!

- Понимаю... - сказал Виталий Николаевич и опять погрузился в раздумья:

- Это довольно подозрительно, но с другой стороны, ведь совсем не желательно, чтобы ее вдруг разыскали старые родственники, тут уже у меня могут появиться проблемы. А так: вспомнила – вспомнила, проверили – проверили. В интернате подтвердили, такая девушка была. Ну, а имя в такой ситуации поменять, желание вполне понятное.

- Напишите заявление, это ваше право. Ну, а какое же, интересно, имя вы хотите себе взять?

- Ну, скажем Тая, Таисия... Львовна... Васильева.

Так это дело и завершилось, девушка была признана Галиной Петровной Васильевой, но при оформлении нового паспорта пожелала сменить свое имя и отчество, оставив лишь фамилию. Память постепенно «возвращалась» и она, наконец, вписалась в общество, став его полноправным членом. Правда жить ей было негде, но мир не без добрых людей, медсестра Раиса Семеновна приютила ее у себя. У нее дочь год назад погибла в такой же автомобильной катастрофе. Убитая горем женщина осталась совершенно одна, мужа-то давно уже не было. Так что, новый член семьи не мог вызвать чьих-то протестов. Галя, теперь уже Тая, устроилась на работу в ту же самую больницу нянечкой. И оказалась она вполне приличной девушкой, и совсем не похожей на Галю из того грязного смятого паспорта.

- Генка, смотри, фотография Таи в газете!

- Да ладно!

- Смотри, здесь написано – «потеряла память, попав в аварию..., никто не опознал...»

- Василь, по-моему, это уже перебор, ты окончательно свихнулся на фоне предстоящих экзаменов! Тебе везде теперь мерещится, нарисованная тобой девушка. Хочешь сказать, картина решила покинуть холст и прогуляться по улице. Нет, тебе не в художественный институт поступать надо, а в больницу психиатрическую!

- Ген, я понимаю, это глупо звучит. Просто пойду и взгляну на нее.

- Поехали, поехали! Ты на нее взглянешь, а там на тебя и врачи взглянут, пилюлю какую-нибудь дадут...успокоительную.

В регистратуре совершенно спокойно отнеслись к просьбе узнать о девушке потерявшей память, не зря же ее фото разместили в газете.

- С девушкой все в порядке, она пришла в себя, все вспомнила, и ее уже выписали. Какая-то Галя, если хотите, спросите у заведующей.

- Ну вот, Василь, я же говорил, такого не бывает! А ты испереживался, да это Ленка наверняка ее выбросила, она ревнивая. Все они такие! Кстати, мы сегодня приглашены на ужин к ней, ты не забыл? Ладно, я ей про это ничего не скажу!

- Да ничего такого, просто я рисовал персонаж из головы, а тут, как будто прототип нашелся. Должен же я был посмотреть.

На этом они расстались и пошли готовиться к «званому ужину». Василь посмотрел на татуировку на левой руке. Лео улыбнулся и тихо сказал:

- Жива она и здорова, а вернется тогда, когда..., ну, в общем, если вернется, ты сразу узнаешь!

Глава 5

Магия взгляда.

- Не смотри в глаза мне, - сказал Шифу, - в бою противнику нельзя в глаза смотреть, опасность есть быть побежденным!

- Но, Шифу, почему? Вы так же смотрите в мои глаза и побеждаете при этом!

- Глаза – окно в мир человеческой души, любой продвинутый боец легко по взгляду прочитает все, что у тебя внутри, на что способен ты и что сейчас намерен делать. Однако, духом я заведомо сильнее, вот потому тебя я сам читаю, твой разум тотчас затмевая.

Тая стояла перед зеркалом и внимательно разглядывала себя. Ей было любопытно разгадать замысел своего создателя, что же он хотел поведать миру этим своим шедевром. Она вспомнила, как Юрий Сергеевич раскрыл Василию секрет своего решения о принятии его в школу. По его словам, он увидел настоящую «магию взгляда» в рисунках пятилетнего мальчика. Глаза получались до того выразительны, что созданный им образ казался живым.

- Как странно, что я «помню» о событиях произошедших еще задолго до моего появления. Видно художник, вдохновенно творя образы, вкладывает в них не только свое воображение, но и всю историю своей жизни, – думала Тая.

- Надо же, Василь от души постарался - такие глаза мне нарисовал! Как говорит мама-Рая, «...излучающие неземную магическую силу»!

Тая Раису Семеновну, по их обоюдному согласию, стала называть мамой, а жизнь ее, наконец, приобрела вполне человеческое предназначение. И она стала, как и все люди, работать, оплачивая свое существование в этом мире. Еще, по совету мамы, а также следуя естественному любопытству и желанию познать физиологию и строение материального существа, Тая поступила в медицинское училище. Так началась ее настоящая человеческая жизнь.

Будни городской больницы трудно было назвать спокойными, боль и смерть тут хозяйничали круглые сутки. Медицина же противостояла этому бесчинству, напрягая силы всего коллектива, а флаг победы попеременно переходил к противоборствующим сторонам.

Боль – страшная сила, способная привести человека к безумию, не зря существует выражение - «безумная боль». Огромный, медвежьей силы, мужик хрипло ревел от боли и возмущения. Его красное перекошенное лицо, раздутые ноздри и беспорядочно мелькающие огромные кулаки, убеждали всех в его твердом намерении разорвать в клочья первого, кто еще посмеет приблизиться к нему. Вероятнее всего, столь агрессивное поведение было спровоцировано не только переломом ноги, но также и изрядной долей выпитого алкоголя, о чем свидетельствовал аромат, наполнивший собой все помещение больничной палаты. Видно, так и не успев еще расправиться со своими недавними обидчиками, он, по инерции или просто повинувшись помутненному сознанию, вымещал всю свою звериную злобу на медиках.

Возле его палаты собралась половина всего персонала больницы, никто не знал, как этот бунт остановить, ну, хотя бы для инъекции успокоительного,

чтобы можно было работать с ним дальше. Из-за дверей доносились угрозы и проклятья, из цензурных слов можно было различить только - «бараны», «козлы» и «удаблю», потом раздался грохот, видно, он уже добрался до оборудования. Тая, оценив безысходность такой ситуации, вдруг решительно направилась напрямиком в палату к буяну.

- Тая, не ходи туда, это просто псих какой-то, он поломает тебя! Лучше мы сейчас милицию вызовем, пусть они его успокаивают.

- Да ладно, справлюсь! Только не врывайтесь все сразу в палату.

С этими словами она закрыла за собой дверь.

- Привет, медведь! Чего деремса? Достали демоны? Я сейчас все устрою, честно..., я не вру, вот посмотри в мои глаза, и ты увидишь, в них нет обмана! Они...расскажут тебе...только...правду...только...правду...

Слова, как эхо разлетались по пространству и постепенно таяли. Большие бездонные глаза излучали силу и покой, становились все больше и больше, постепенно заполняя собой все пространство палаты.словно чистая горная река плавно вливалась в его замутненную больную голову, остужая ее своей прохладой. И все вокруг постепенно стало терять свою значимость, все кроме этих глаз. Они потеряли свои размеры и очертания, превратившись в свет прожекторов, проникли в самую глубину сознания, осветив его ярким светом, и наполнили тело приятным теплом, боль стала быстро отступать, а ясность разума постепенно возвращаться.

- Теперь ты ничего не бойся, я буду рядом. Никто не посмеет причинить тебе никакого вреда, лишь сделают укол, ну это, как горькое лекарство, не очень приятное, но полезное, и оно точно избавит тебя от боли.

Верзила перестал орать и размахивать руками, таким образом, инцидент, был полностью исчерпан, ему вкололи необходимые лекарства и приступили к дальнейшему лечению, уже не боясь его необузданной агрессии.

- Тая, но как! Как это у тебя получилось, что ты ему сказала? – стали все ее спрашивать.

- Да мне кажется, он даже не понимал моих слов. Думаю, что все дело в интонации моего голоса, а может... он просто на глаза мои засмотрелся, – ответила она, весело усмехнувшись.

Радость, гордость и, одновременно, растерянность - все перемешалось в Таинной голове. Она еще не была окончательно уверена в правильности своих догадок, все это могло оказаться элементарным везением или чудесным

стечением обстоятельств. Много еще предстояло проверить, но сегодня эта маленькая победа сулила ей важное для нее открытие.

Хотя, человеческий мир начинал ей нравиться все больше, и она вжилась уже основательно в свою роль, все же ни на минуту не забывала о том, кем является на самом деле. Ей просто безумно хотелось глубже познать себя и людей - и то, и другое, было пока тайной, которая день за днем понемногу раскрывалась. И постепенно становилось понятным, что же она приобрела в новом мире, и что полезного у нее остались от прошлого.

Однако все пути бывают прямыми только в теории, на самом же деле каждый из них извилист и коварен всякими неожиданностями. Да, любому путнику все дружно желают удачи, хотя точно знают, что она бывает обычно в самом конце. Лишь там играют фанфары и развеваются красные ленты, да только не каждому идущему суждено их услышать, далеко не все доходят до финиша.

- Василий Семеныч, что сегодня невеселый такой?

- Таечка, зуб разболелся, а к стоматологу, сама понимаешь, не очень-то хочется идти.

- Давай, Семеныч, полечу!

Василий Семенович был так сильно измучен кошмарной ночью, что готов был на любые магические чудеса, лишь бы избавиться от этих тяжких мук. А слухи о Таинном подвиге уже облетели всю больницу. Она долго и пристально смотрела ему в глаза, водила руками вблизи его, распухшего от мучений, красного подбородка. Но страдалец только горько улыбнулся и сказал:

- Таечка, ты замечательная добрая девушка, от тебя и вправду теплом веет и, и как будто даже лучше мне стало, но зуб, гад этакий, болит. Схожу - ка я к стоматологу.

- Но как же тогда с пьяным бугаем получилось, - рассуждала сама с собой обескураженная неудачей, Тая – Может быть, никаких таких способностей-то и нет, просто пьяный мужик устал беситься, да и задремал. Ну, а как же тогда следователь? Почему он так легко повелся на эту идею с паспортом, будто это я и есть та самая Галина Васильева? Ведь у него на этот счет явно были серьезные сомнения. Хотя, ему-то это тоже выгодно было - меньше хлопот!

Так она долго мучилась, путаясь в своих сомнениях и догадках, а потом еще долго копалась в учебниках, подробно изучая строение зубов и причины их недугов. Все равно ей предстояло изучить всю анатомию человека. Кстати, выяснилось, что любые изображения или тексты со всех плоских предметов,

будь то бумажные листы, холсты или стены, легко и быстро переносились в ее сознание. Так что, учеба ее продвигалась стремительно быстро, легко и без утомительной зубрежки.

По мере продвижения по лабиринтам медицинских и прочих наук, стало формироваться и понимание того, что общего воздействия на человеческий организм не достаточно, необходимо точное попадание в болевую точку, а также источник ее возникновения. То есть, мало стрелять глазами и руками водить, надо еще и точно в цель попасть.

Еще у Таи появилась одна идея о, так называемой, «обратной связи», она вспомнила, что Василий любил разговаривать, порою даже вслух, с героями своих картин. Он обращался с ними, как с живыми, тем самым как бы подталкивая свое воображение к материализации. Однако, не многим из творцов удавалось услышать ответ от своего творения! Тут уж определенно нужна незаурядная сила воображения и великая вера. И, конечно, любовь, как без нее, в творчестве без всего этого просто никак!

Хотя, со временем, Тая и добилась реальных результатов в покорении боли, однако, она все больше склонялась к несерьезности этой способности, считая ее просто баловством. Боль, это серьезный повод обратиться к врачу, «стимул для лечения», но ни в коем случае не сама болезнь, поэтому само исчезновение боли не означает избавления от проблемы. В конце концов, можно «установить» человеку «программу», чтобы он никогда не испытывал зубной боли, но тогда зубы просто сгниют и выпадут, лишённые права даже на крик о помощи!

И все-таки, значительно больший интерес представляли собой «диалоги с картинкой», тут требовалось умение мысленно сопоставлять изображение органа с его реальным «прототипом» в теле конкретного человека. Это даже и без современной аппаратуры, которая не везде имеется, помогло бы точно определять причины заболеваний.

И тут мамин приход прервал ее научный консилиум, она уже давно была сильно обеспокоена популярностью этих Таинных экспериментов и, особенно, нарастающего внимания к ним «с верхов».

- Таечка! Хороший ты мой человек, хочу сказать тебе... я не против твоих увлечений, уверена – на благое дело пойдут. Но только прошу тебя, будь осторожна, «целительство» у нас не очень-то поощряется, хотя оно и пользуется большой популярностью у народа. Так что, ты не очень-то сильно афишируй эти свои возможности.

- Хорошо, мама, я поняла. Но люди-то приходят, просят,...как отказать?
- А ты знаешь, замаскируй-ка это подо что-нибудь более традиционное, привычное, ну например, под обычный общий массаж.
- А что? Хорошая идея, запишусь на дополнительные курсы!
- Вот и правильно, - Раиса Васильевна облегченно вздохнула, но тут же, как бы вспомнив о чем-то, продолжила, - и все равно будь осторожна, у нас, ох как не любят тех, кто «выше ростом».

Глава 6

Тайна Ёрика.

*В часы ответственных решений
Не так за временем следят -
Счастливые, беспечные,
Советов слушать не хотят*

И вот, широко распахнулось окно в этот новый мир студенческой жизни, тут вы уже не какие-то школьники - подростки, а молодые люди - студенты. И решительный шаг во взрослую жизнь, вдруг разом изменил ваш прежний статус, отменив при этом смешные детские запреты, и придал вам больше

солидности. Важно прохаживались, по длинным коридорам храма науки и искусства парни, уже успевшие отрастить длинные волосы и жидкие усики. Девчонки, разодетые в яркие, модные «штучки», плавно дефилировали по ним, как по подиуму. И неизменным атрибутом у всех была сигаретка в руке, мол, мы уже не дети!

Остались позади вступительные испытания – портреты и композиции, а впереди светила долгая интересная студенческая жизнь в художественном институте. И тут каждому суждено было как-то себя показать, что-то получив при этом, или что-то и потеряв. Как никто другой, Юрий Сергеевич хорошо знал об этом и часто наведывался в институт, чтобы узнать, как тут проявляют себя его недавние воспитанники, которым он давал рекомендации.

- Юрка, привет! Какими судьбами к нам? О своих пришел справиться? – его давний друг, однокурсник и соратник по искусству, Михаил Петрович Ребров, приветственно замахал руками и чуть не бегом кинулся к Юрию.

- Да, привет, Миша! Ну, тебя повидать, конечно, а заодно узнать, как тут мои протеже освоились. Помнишь – два паренька и девушка, дружная такая компания.

- А, да, да. Дельцов...Варнавский, кажется, и девушка-красавица с ними, Лена Мухина!

- Да, точно они! Ну и как? Надеюсь, мне за них не надо краснеть?

- Да нет, ребята отличные, хотя совершенно разные. Дельцов... кажется, Гена зовут, собранный целеустремленный юноша, ну, может быть излишне прагматичный иногда. Он всегда в курсе всех актуальных течений, каким из них больше отдают предпочтение преподаватели. Короче, всегда старается следовать в «нужном» направлении.

- Да, это уж точно у него есть. А как тебе Варнавский?

- О! Это полная противоположность - безусловно талантлив, но слишком молод, чтобы быть собранным и рассудительным. Он постоянно погружен в какие-то свои фантазии, вечно что-то бормочет себе под нос, и это, конечно, очень часто мешает сосредотачиваться на предмете. Может таким и должен быть художник? Не знаю, ...но какой-то он уж больно наивный... ребенок во многом еще.

- Ну, а Лена?

- Лена Мухина, это наша красавица, просто звезда! Не скажу, чтобы она что-то особенно выдающееся рисовала, но за один семестр сумела влюбить в себя весь институт, подрабатывает иногда моделью. Кстати, а ты в курсе о

том, что Варнавский в нее влюблен по уши? Ох, и трудно же ему придется, тут у него конкурентов целая армия!

- Да, да, я знаю! Про Василия Варнавского вот что тебе скажу - он, да, еще ребенок и часто бывает совершенно не собран, витает где-то в своих облаках и, к тому же еще и сказочно ленив. Но я очень прошу тебя, присмотришься к нему, если что, помоги.

- Что за вопрос, Юра! Обязательно, я же тебе многим обязан. Ты знаешь, я часто вспоминаю наши студенческие годы, да и всю нашу прошлую жизнь.

- Ты внимательно посмотри на его портреты и кое-что непременно тебя удивит! Когда его ко мне привели, я не хотел брать – ну, куда? Он только из коляски вылез, а родители его уже в художники прочат. А как нарисовал он мне картинку, я обалдел! Миша! Это тот самый магический взгляд, который мы тут с тобой изобретали! И это в пять лет! Кроме того, мне показалось, что у него существует какая-то...ментальная связь со своими картинами.

- Да ладно! Это мистика просто какая-то! Столько лет прошло, я уже про те дела наши и забывать начал. Да, многое тогда сильно изменилось в нашей жизни,...кстати, все хочу спросить тебя, как со здоровьем-то?

- Понимаешь, как говорится – не то, чтобы совсем плохо, просто терпимо. Жизнь не прощает ошибок, за все приходится платить...рано или поздно. Мы в молодости беспечно разбрасываем камни, потом, вдруг, понимаем, что их и собирать нам же, да только все труднее это делать, и кто знает, соберешь ли ты их ко времени.

- Ну, ты как всегда о мрачном! Не думай, все уже заросло временем, как травой. А к Варнавскому твоему, будь уверен, присмотрюсь. Знаешь, Юрка, вот ты мне про него рассказываешь, а я все слушаю и понять не могу - кого же этот парень мне так сильно напоминает!

- Только, вот, не во всем на меня надо быть похожим ...

Михаил Петрович сдержал обещание и стал чаще, чем с другими своими студентами, общаться с Василием, обсуждать его работы и давать советы. В общем, принял воспитанника, как говорится, «из рук в руки» от своего друга. Василию, в свою очередь, Ребров был интересен не только, как художник, но и как друг своего учителя, которого всегда ценил и стремился к вершинам его мастерства.

- Василий...ой, прости, забыл, тебе же больше нравится имя Василь, не помнишь, когда у тебя родилась идея рисовать эти необыкновенные глаза своим портретам?

- Не помню уже, по моему, я их только и рисовал, все остальное было для меня второстепенно, мне с детства казалось, что они со мной разговаривают. Михаил Петрович, а что это за легенда по институту ходит про супер картину, которую вы с Юрием Сергеевичем нарисовали?

- Ну да, было дело. Тогда моего друга и твоего учителя звали Ёрик за его веселый нрав и бурную фантазию, и по этой же причине он имел репутацию талантливого шута. Ему постоянно в голову приходили интересные, а порою, просто провокационные идеи. Когда я трудился над постижением техники гениального Леонардо в его Джоконде, Ёрик тоже присоединился ко мне со словами «глаза - это все». Мы с ним испробовали тысячу вариантов, изучая «магию взгляда». Он рисовал глаза, я все остальное. И, наконец, у нас - таки получилась невероятная, по своей притягательности, картина.

- А где она теперь? Наверно, хранится где-то? На нее можно посмотреть?

- В том-то и дело, что нельзя, она исчезла! Причем, она сыграла, можно сказать, трагическую роль в нашей судьбе, особенно в судьбе Ёрика. У Юрки была безответная любовь - Света, а у нее был жених Леонид - Ленчик, стало быть. А был он человеком весьма предприимчивым – рубля лишнего не пропустит. По «партийной линии» потом продвинулся, кстати. И вот, он эту идею со взглядом и подхватил, просто уцепился за нее. Созрел в его голове план, как использовать эту картину, и какую выгоду можно из этого извлечь.

- Ну, а что такого? Можно выставку провести, обсуждение...

- Да какая выставка, у него планы покруче были. Портрет цыганки, что мы с Юркой нарисовали, действительно производил какое-то гипнотическое воздействие на зрителей, чем и решил воспользоваться Ленчик. Уж что он там вытворял, я не знаю – секта какая-то, но главное, это платные сеансы. Мы с Юркой категорически были против этого, у нас-то идея совсем другая была! Но он обманом получил эту картину через свою Свету, ради которой Ёрик на все бы пошел, и развернул активную деятельность.

- Сеансы массового гипноза или целительство?

- Я не знаю, но только вляпался он в неприятную историю с этими своими сеансами «по самые уши». Слушок по городу прошел про его деятельность, а тогда подобные увлечения совсем не поощрялись, и тем более связанные с извлечением материальной выгоды. Только «дела» никакого не получилось, все свидетели открестились, а картина внезапно пропала. Да и он сказал, что картину у Светы взял только посмотреть, как ты и говоришь - «выставку

провести, обсудить», мол, я «не при делах»! А Юра за такое предательство ему сгоряча морду-то и набил, да сильно так, не просто фингал поставил.

- Ого! Не знал, что Юрий Сергеевич руками не только рисовать умеет!

- Да, драться он умел с детства! Ну и вот, в результате, все тихо, мирно - никто никаких сеансов не делал, секты никакой не было, да и картина сама пропала, остались лишь одни побои с синяками. Светка уговорила Юрку не распространяться насчет деятельности Ленчика. И Юрка всем сказал, что это была обычная драка из-за ревности. По «примирению сторон» все затихло, но только Юра ушел из института.

- Но ведь он же закончил его!

- Да, закончил, только после армии и тяжелого ранения. Восстановился и закончил.

- Да, вот это дела! Юрий Сергеевич никогда не рассказывал об этом. А как же картина? Так и не нашли?

- А что рассказывать, вспыльчивый он был и безрассудный. Не успели мы его за руки схватить. А картину так и не нашли, исчезла бесследно. Только знаешь, что удивительно? Холст, на котором она была нарисована, нашли, но совершенно пустой... чистый холст, будто цыганка ожила и сбежала!

Василь был потрясен услышанным! Ему тут же захотелось рассказать все о своих приключениях с картинами, но он, все же, не решился, подумал, что это вряд ли что-либо добавит. Скорее Михаил Петрович усомнился бы в его психическом здоровье. Да жизнь и так была наполнена не менее великими тайнами художественного мастерства. Красавица Лена была рядом, что еще можно было пожелать от жизни!

Женская красота – великая сила, она с изящной легкостью покоряет, как мускулистых бойцов, так и мудрейших стратегов. Но ее первоочередная и архиважная задача – не промахнуться, попасть непременно «в десятку», не растратив себя на пустяки. Лена не была холодной и расчетливой «богиней нелюбви», но и на «рай в шалаше» никогда бы не согласилась. Поэтому она пристально вглядывалась в окружающих ее мужчин, машинально их «сортируя», хотя, относилась при этом ко всем нормально.

Тем не менее, свое внимание она сосредоточила на двух, очень хорошо знакомых ей, представителях сильной половины человечества, на Генделе и Василе. Как и сама Лена, они слишком ярко выделялись из всего коллектива художественного института, хотя, были совершенно разными. Гена, слишком приземленный человек, он и шагу не сделает, не оглядевшись по сторонам. У

него всегда все было ровно и правильно, от этого становилось скучно, Василь был ярче, но абсолютно ни куда не направлен, летел по ветру и ни в чем не знал меры, он ненавидел правила и инструкции. Это делало его жизнь более насыщенной и интересной, но не придавало стабильности, так ценимой женской половиной.

- Василь, скажи, ну почему ты такой? Вроде умный и талантливый, но такой бесшабашный. С тобой, как на гоночном мотоцикле, летишь – даже дух захватывает, и на поворотах сердце замирает, но страшно!

- Не знаю, я давно уже такой! Я никогда не думаю об этом, просто мне нравится какая-то идея, и я не успокоюсь, пока ее не осуществлю, или пока она мне не надоест.

И все же Лена наивно полагала, что сможет обуздать этого «гонщика» за удачей. Присущий многим женщинам материнский инстинкт вводил ее в заблуждение, думала, что из этого молодого и талантливого охламона, она сможет со временем вырастить знаменитого художника. С Геней куда все сложнее было, твердый, как скала полководец – все строго по расписанию! И жизнь, и творчество и любовь, и ни малейшего шанса на воспитание!

Тем не менее, троица испытывала самые дружеские чувства друг к другу. И никакая разница в характерах не могла помешать их дружбе. Гендель и Василь великолепно дополняли друг друга, притягиваясь, как два разных полюса.

- Ген, смотри. Твоя картина написана, я и спорить не стану, великолепно отточенной техникой. Все на своих местах – свет, тени, пропорции. Но газа! Они совершенно без жизни, как у манекена!

- Так я и не пишу лицо, у меня другая композиция, тут экспрессия, язык тела, жесты и пластика. Детализация проработана... причем тут глаза?

- А давай посмотрим! Вот, я добавляю взгляд, и появляется живое лицо, которое не просто присутствует, оно рассказывает целую историю. Посмотри, разве это не добавило экспрессии? Гена, пойми, с картинами разговаривать надо! Любить их надо, тогда они живыми будут!

- Знаешь, Василь, пожалуй...ты прав. Это действительно смотрится более убедительно! Только в свои мистические заблуждения ты меня не впутывай, я атеист, а не Пигмалион и рисую я не Галатею! Однако с глазами ты на все сто прав оказался. Спасибо, друг!

Лена бабочкой порхала вокруг двух будущих корифеев изобразительного искусства, не зная кого же из них предпочесть. Гена ее пугал, она не хотела

быть на должности рядового его элитного подразделения, а Вася был совсем еще ребенком, требующим долгого и кропотливого воспитания. Но, наконец, материнские чувства сыграли свою роль! Дело стало продвигаться к свадьбе, а Генка на это смотрел спокойно и рассудительно. Ревность в его планы ине входила, как качество, тормозящее развитие.

Вася тоже смотрел! Смотрел на татуировку льва на левой руке, но когда Лео собрался с духом высказать свои умные советы, он вдруг закапризничал и не стал его слушать. Сногшибательная красавица дала свое согласие! Что же еще было нужно? Он был безумно счастлив, а счастливые люди никогда не слушают ничьих советов.

Глава 7

Рожденный летать

- День добрый, Леонид Егорович! Мне доложили, что у вас ко мне есть очень важный разговор. Я, как говорится, всегда готов...так что, по первому зову, как говорится...

- Да полно тебе, Виталий Борисович, расслабься. К чему эти церемонии, заладил, как пионер – «всегда готов, по первому зову, как говорится». Просто мы с тобой очень давно не виделись, вот я и хочу узнать от тебя, как там наш родной художественный институт поживает, какое прибыло пополнение, как живет и чем дышит молодежь в наше беспокойное время. Уж кому, как не тебе это знать.

- Да так, рутина сплошная. Талантливых студентов все меньше и меньше становится, все больше технари - прагматики. Как точно сказал, в свое время, Зощенко: - «Грубый век, романтизму нету!» Да, меркантильная нынче пошла молодежь.

- Я слышал, в институт недавно приняли бывших учеников этого...Ёрика, Юрия Сергеевича Ершова, нашего незабвенного. Что про них-то скажешь?

- Да, в общем, сильные ребяташки, Ершов свое дело знает. Два парня и девчонка, пишут интересно, изобретательно, я бы сказал. Девушка, сама как картинка, ей и рисовать-то не надо.

- Ты это...про девицу мне потом расскажешь, седина в бороду, эх, а ты все туда же! Слышал я, один из них глаза любит прорабатывать, причем удачно у него получается. По стопам наставника, говорят, пошел. Вот ты мне про него и расскажи поподробнее. Да и сам внимательно присмотришь, кто, что и как.

- А, понял! Это с той давней историей, видимо, связано?

- Да ничего ты не понял. Было бы в этом дело, я бы Ершова и прижал. Я теперь, знаешь ли, прижать могу! Просто я, как руководитель, должен быть в курсе всех подобных событий, понятно? А уж что мне с этим всем делать, я потом сам решу. Твое дело, про всех все знать и мне своевременно обо всем этом докладывать.

- Да, да, Леонид Егорович, все понял. Выясню! Все выясню и обязательно доложу!

Есть ли жизнь после свадьбы? Есть, еще какая...только не та, про которую вы мечтали. Увы, два совершенно разных мира не способны соединиться в один без потрясений и жертв. Это можно сравнить, разве что, с революцией или с ремонтом в доме, то есть с катастрофой. Но главное, все эти наивные мечты о перевоспитании своего избранника, словно волны в мелкие брызги

разбиваются о скалистые берега суровой действительности семейного быта. И пусть молва из древности гласит, что вода камень точит, только процесс этот настолько медлителен, что не каждому суждено доплыть до тех самых «отшлифованных камней океана жизни».

Сама свадьба удалась на славу, все были счастливы! Лучшие пожелания безоблачной семейной жизни летели со всех сторон. Верные старые друзья, и недавние новые, преподаватели – Юрий Сергеевич и Михаил Петрович, как же без них, ну и, конечно родители, пели самые возвышенные оды таланту и красоте молодоженов. Даже Генка, вопреки своей обычной сдержанности, гармонично влился в содержание этого фейерверка. Только Лео обиженно молчал, ведь Василь посчитал себя уже слишком взрослым, чтобы впадать в детство, общаясь с плодом своих наивных мальчишеских фантазий.

Красота и талант - качества, весьма востребованные в обществе. Но, если красота уже имеет объект применения, и ей нет необходимости прорываться куда-то, разве что поддерживать саму себя на достойном уровне, то талант, подобно выстрелу, должен быть точно направлен в удачно выбранную цель, иначе он быстро теряет свою актуальность. И жизнь постоянно требовала от Васиного таланта направленного и стремительного движения, в то время, как ему, было вполне достаточно самого его наличия.

Самая первая студенческая выставка вызвала целую бурю восторженных комментариев в его адрес:

- Какой выразительный взгляд! Эти картины настолько убедительны, что их просто невозможно воспринимать, как простое отображение реальности на холсте, это и есть сама реальность! Это настоящие живые образы!

- Да, определенно в этом что-то есть! Коллеги, возможно, что вот за этим студентом и стоит большое будущее! Будем смотреть.

- Невероятно! Меня преследует чувство, что эти образы выходят за рамки холста и живут уже своей собственной жизнью!

От подобных восторженных слов, за спиной у Василя вырастали крылья, и он взлетал в небесную высь подобно вольной птице. А внизу ярко светилась Земля, и слышался торжественный колокольный звон.

Гена так же был удостоен высокой оценки, пусть и более сдержанной:

– Вот! Очень даже неплохо, неплохо! Чувствуется уже вполне уверенная техника!

- А какое чувство стиля! Хорошая школа!

Однако со временем, тональность этих восторженных дифирамбов стала слегка меняться, для Василия оставляя лишь обнадеживающе–утешительное «в этом что-то есть». А для Гены, напротив, оценка выростала уже до более весомой формулировки – «филигранная техника». И все же они оба, как и прежде, оставались в авангарде культурной жизни института, являясь его неизменным украшением и генератором всего учебного процесса.

Лена, в отличие от них, не планировала постигать все сокровенные тайны высокого художественного мастерства, хотя, и не лишена была способностей к пониманию самых тонких нюансов гармонии. Ей для самореализации было вполне достаточно обладания красотой, причем, как выяснилось, красотой невероятной магической силы, вызывающей смятение умов и легкий трепет сердец у всей сильной половины человечества. И все свои художественные способности и знания она направляла лишь на ее поддержание и развитие, поэтому она больше выступала в роли модели, нежели подающей надежды художницы. Также ее привлекала организаторская работа, где, как раз, очень требовались все эти замечательные качества.

Семейная жизнь с Василем не требовала пока каких-либо материальных затрат и судьбоносных решений, живя с Васиными родителями на их полном обеспечении, они пребывали в статусе «взрослых детей». Хотя, надо сказать, Лену нередко раздражало то, с какой легкостью, Вася что-то начинал и тут же бросал, так и не доведя до разумного итога. Но все же пока это не приводило к сильным противоречиям. Ну, не продолжил он «тут», не достиг результата «там», пускай ищет себя, пока и нужды нет думать о бюджете и планировать развитие своего будущего.

Василия, в свою очередь, угнетала жестокая необходимость постоянного поиска и движения, он искренне обижался на постепенное падение восторга в оценках своих работ:

- Как же так, раньше это считалось, чуть ли ни вершиной гениальности, а сегодня – просто «в этом что-то есть»! Что изменилось?

- Василь, пойми, не тот мастер, кто ангелом порхает в Небесах, а тот, кто тут, на грешной земле, постоянно в сомненьях и поисках мечется, свои нервы в лохмотья рвет. Талант без движения, увы, долго не живет. Надо работать! Невзирая ни на какие успехи – работать и работать!

Так Михаил Петрович пытался погасить искры его возмущения, пока те не переросли в большой пожар и вернуть его к разумному мирному созиданию, памятуя о своей роли наставника. Более того, он же обещал другу, оказывать

всю необходимую поддержку его выпускникам. Ну, а Василий покорно кивал головой и вроде бы соглашался. В семье Варнавских высокомерие было не в почете, поэтому он не капризничал и не дерзил, но на деле поступал, однако, по-своему. Копание в элементарных, школярских, как он считал, мелочах - дело не только утомительное, но и постыдное.

- Как же можно работать не по вдохновению, а, видите ли, потому, что «так надо»? – и возмущению не его было предела.

- Леонид Егорович, доброго здоровьица, я, вот, к вам...по поводу вашего указания.

- Да, какое там указание, так, просто просьба, мы же друзья! Не так ли?

- Леонид Егорович, я вам так обязан, да...по гроб жизни обязан, ведь все, абсолютно все благодаря вам!

- Спасибо, что помнишь! Ты ведь теперь кто? Ректор, - при этом он многозначительно приподнял вверх указательный палец - художественного института, а не какой-нибудь там...ну, давай рассказывай, с чем пожаловал.

- Все, как вы просили, разузнал. Есть такой студент. Зовут его Варнавский Василий Николаевич, псевдоним себе придумал... «Василь». Да, уж больно у него портреты хорошо получаются, глаза так прорисовывает, завораживают. Его Мишка Ребров под крылышко себе прибрал, они же друзья с Ершовым. И на первой же выставке студент этот себя очень даже неплохо показал.

- Ты принес работы?

- Да, но только фотокопии. Вот они...

- Так...ага! Так, так. Ай, молодец, как раз то, что надо! Опиши-ка ты мне его подробнее, что он за человек, каков характер, с кем дружбу водит, какие слабости имеет.

- Наивный ребенок, беззаботный романтик, но талант обещающий, хотя и по-детски ленивый. Недавно женился, как раз, на Елене Мухиной, той самой, что из Ершовской студии. Живут у Варнавских, папа все оплачивает, и учебу и жизнь.

- Ну, что же, это хорошо! У парня, наверняка, уже и амбиции появились, возомнил себя таким...Рембрандтом?

- Нет. Так, чтобы звездной болезнью заразился, не скажешь, но слабость у него имеется. Часто пренебрегает рутинной учебной работой, не желает он окунаться в трудоемкие тренинги, полагаясь во всем на свои способности.

- Вот! Слушай, а ты не мог бы вокруг него создать некоторый вакуум? Как-то изолировать его от друзей, от Реброва особенно? Пусть и на студенческой выставке его обойдут.

- Понял вас. Насчет выставки постараюсь, но как быть с друзьями, с его родными, с Ершовым и Ребровым, в конце концов? Они же все для него непререкаемый авторитет и будет трудно его изолировать от их влияния.

- Твое дело выставка, отзывы, критика. С остальным я сам как-нибудь разберусь...и с Ершовым тоже!

Часто случается, что люди нежные, слабые, избалованные, бывают еще и упрямыми, слушают совсем не тех, кого надо бы. А вокруг уже целая очередь из сладкоголосых льстецов, так давно мечтающих заманить в свои ласковые объятия какого-нибудь простачка. Ну, а он, полный амбиций и смущенный былыми восторгами по поводу своих прошлых заслуг, уже и готов к роковому неверному шагу, лишь подтолкнуть его и осталось.

- Да, брат. Не ценят тебя тут, не дают полета душе! Технари боятся твоего таланта! Ничего кроме техники у них нет, а вот ты...великолепен! И не слушай никого, пиши, от души с размахом! Ребров – человек чересчур осторожный, он и собственную тень обогнать боится, потому и не добился многого. Пусть эти плебеи умрут от зависти!

- Рожденный летать ползать не станет, работать надо легко! – подумал он и проигнорировал все советы, касающиеся кропотливой работы по отработке технических нюансов, считая все это неоправданной потерей времени.

Вот так, положившись на одно лишь вдохновение и талант, он и проиграл следующий студенческий конкурс. Мог ли он себе представить, воспитанный на чести и благородстве, что его, таким образом, элементарно устранили, как конкурента, чтобы дать дорогу своим протеже. И от всех упреков друзей он прятался, как от надоедливого жужжания. А татуировка на левой руке стала безмолвной картинкой, которая уже и не смела ему что-либо посоветовать. Она превратилась в смутное воспоминание, символ о, забытом уже, детском чудачестве.

Ко всему, Василий был, как раз, из тех, кому для возмужания требовалось испить до дна горькую чашу «Житейского крепкого». Ведь вся та легкость, с которой он до поры бежал по жизни, была обеспечена его родителями. Они, как и многие другие подставляли свои заботливые любящие руки, когда их

малыш падал, чтобы ему не было больно, переносили его через ямы и лужи, чтобы, не дай Бог, он не запачкался. Трудно было даже представить себе всю ту невыносимую тяжесть, которая может навалиться на него, когда все это, не дай Бог, вдруг закончится, и он останется один на один с жизнью.

Но у многих людей в жизни, как раз, и возникают подобные мрачнейшие периоды, состоящие из сплошных неудач и потрясений. Как будто весь мир взбунтовался против тебя и, даже когда ты соглашаешься с неизбежностью и справедливостью познания другой, жесткой стороны жизни, это не придает, хоть какого-нибудь, оптимизма и по ощущениям выглядит совсем уже чрезмерным.

- Господи, за что все это! Что я не так сделал? – восклицаешь в скорбном недоумении и сам же себе отвечаешь:

- Так это за «то» и за «то», за то, что жил беззаботно, легко и свысока на все смотрел, уверовав в свое исключительное право на постоянное везение. Вот и получил за лень и гордыню!

Однако, жизненный ответ за твои незначительные, как тебе это кажется, прегрешения бывает, слишком суров. И ты смотришь с грустным удивлением на перепаханые бороздки своей, еще такой недолгой жизни, и ослабшие руки твои безвольно падают вниз.

Глава 8

Зло

*Свирепо зло, оно не спит
И от того оно все злее!
И за окном уже темнеет,
И ночь уже бедой висит.*

Леонид Егорович Кабанов в разных кругах был известен под разными именами, это всецело зависело от того, какой гранью своего внутреннего мира он проявлял себя на данном отрезке жизненного пути. В далекие времена, не погрязшей еще в больших грехах, молодости, он был просто Лёнчиком - сыном крутого авторитетного начальника. Однако, его путь до «Леонида Егоровича» был совсем не так прост, несмотря на папины связи. Как раз в этот период своего славного «восхождения», его в определенных кругах называли «Кабаном».

Взобравшись «на олимп», он хорошо усвоил, что главное в жизни – это власть. Будь у тебя море золота, найдется целая армия охотников за ним, и только власть способна удержать его, а то и прибрать к рукам чье-то чужое.

Но, кроме того, власть постоянно требовала укрепления и расширения своих границ.

- Власть имеет смысл лишь только при условии перманентного развития с обязательной поправкой на научно-технический прогресс! – вот так он с пафосом возводил свои убеждения в целую философскую теорию. Конечно, он ценил и другие прекрасные человеческие качества – духовность, талант, особенно он ценил людскую щедрость, но только лишь в качестве материала для построения и развития своей собственной власти. Еще он твердо знал, что власть требует обязательного преобладания разума над чувствами, и все люди делятся на тех, кто руководит и тех, кем руководят.

Вот поэтому, уже вдоволь имея этой самой власти, он ни на минуту не желал останавливаться, и если на горизонте появлялся какой-нибудь новый «проект», пусть даже и не сулящий очевидной выгоды, он не собирался его упускать. Как раз в эти дни неожиданно вновь «всплыла» его старинная идея с картинами.

Когда-то давно, когда он был еще студентом художественного института, один из его сокурсников, некто Юрий Ершов, нарисовал необычную картину. На ней была изображена красавица - цыганка с невероятно выразительными глазами. Но главное, эти глаза настолько казались живыми, что завораживали любого, смотрящего на них. Зрители буквально «отключались» на некоторое время, превращаясь в безропотных кроликов, и потом еще долго приходили в себя. Словом картина оказывала настоящее гипнотическое воздействие.

Лёнчик поначалу в это не верил, он вообще к мистике относился с большой долей презрения. Думал все это веселые студенческие проделки или желание того же Ершова создать красивую легенду, чтобы привлечь к себе внимание. Но когда сам все увидел, понял – это реально существует и это власть! В его голове сразу начали вызревать различные варианты использования этой картины. Вот только Ершов заупрямился и, в конечном счете, все испортил. Он, видите – ли, честный человек и не «позволит дурить головы людям» при помощи этой своей лупоглазой цыганки.

- Подумайте, какое благородство! – так, «в красках», с едким сарказмом Кабанов стал вспоминать сложившуюся тогда ситуацию. - Еще и драться полез, вошь интеллигентская, да только не с тем он связался! После этого ему быстро пришлось ретироваться из института, да напрямик в армию, где он едва живой остался. А картину свою он - то ли уничтожил, то ли припрятал. Да и черт с ним, надо будет других рисовальщиков найдем, земля талантами полна!

- Ну что, товарищ ректор, как продвигаются наши дела? – снисходительно, по-барски похлопав по плечу своего ставленника, Кабанов обратился к ректору художественного института, Виталию Борисовичу Гусенко.

- Да все по сценарию, Леонид Егорович. Варнавский проиграл-таки конкурс, пусть не с треском, но с первого места его сместили далеко вниз. И на сей раз список победителей возглавил его близкий друг - Дельцов. Я правильно уловил вашу идею?

- Уловил, хвалю! Сброшенный с пьедестала, растоптанный, недооцененный миром талант – прекрасный материал – лепи из него все, что фантазии угодно! А как там поживают его знаменитые наставники? Не пора ли уже спровоцировать конфликт, мол, юное дарование против консерватизма в искусстве!

- Все делается, Леонид Егорович! Необходимо, однако, немного времени.

- Так я и не тороплю, все это должно произойти постепенно, не за один год. Мне необходим тщательно контролируемый процесс, а иначе результат может быть непредсказуемым. Ты же знаешь, я ненавижу, когда что-то происходит не по моему сценарию!

- У меня есть кое-какие рычаги влияния в отношении Реброва и Дельцова, а вот Ершова мне не достать, он давно уже к институту имеет лишь косвенное отношение. К тому же в нем невероятным образом сочетается математическая прямолинейность с весьма болезненной непредсказуемостью. Боюсь, это может все испортить.

- Ха, ха, это уж я точно знаю! Но если вдруг эти его замечательные качества каким-то образом начнут проявляться, на них-то я, как раз, и сыграю. Гордость в сочетании с безумством обычно играет в пользу оппонента!

Тем временем по институту стали расползаться слухи о том, что именно благодаря авторитету Реброва Василий проиграл конкурс. Якобы сам Михаил Петрович, таким жестким образом, захотел наказать Варнавского за упрямство.

- Нашему «Васильанджелю» все же указали на его место в институте, да кто, его же любимый покровитель!

- Вот как! Значит, он достал-таки своим «величием» даже, добрейшей души человека, Реброва!

На самом деле это не соответствовало действительности, Михаил Петрович, конечно, ругал Василия за легкомыслие, но ценил его талант и верил, что это его упрямство, лишь кризис юного возраста. К тому же, проработав полжизни в этом

институте, он хорошо понимал, что создавшаяся ситуация больше относится к политическим играм ректора Гусенко, нежели к состязанию студенческих работ. Скорее всего, была задумана некая очень важная «шахматная комбинация», где студент Варнавский был всего лишь мелкой пешкой, принесенной в жертву. Но провокация прекрасно сработала, ведь в ней были задействованы люди, надо отдать им должное, вполне профессиональные. И по светлому зданию некогда нерушимой дружбы побежали мелкие трещинки.

- Ты представляешь, Юрка, - жаловался Ребров другу, - Вася уверен, что это я повлиял на результаты конкурса! Кто-то ему наговорил про мой «консерватизм», про «косность мышления», про то, что я злобный и мстительный человек и не терплю «инакомыслия». Но я всего лишь предостерег его от ошибки. На первом курсе всегда обращают внимание на талант, на втором уже на фундаментальные знания и навыки. Но еще я обратил внимание, что в институте какая-то карусель возникла вокруг его фигуры. Будто он кому-то сильно мешает!

- А ты, Миша, разве не знаешь о том, как этот Гусенко ректором стал? Или ты думаешь, его за какие-нибудь великие заслуги в искусстве, некие добрые люди назначили руководить процессом воспитания нового поколения? Это Кабан его ректором назначил, так что он теперь его человек и выполняет любые «хотелки» своего хозяина! Я уверен, что ветер именно из тех краев дует. Вероятно, Лёнчик узнал о Васином существовании и о его способностях. Странно, столько лет уже прошло, неужели решил молодость вспомнить? Так не его масштаб!.. Хотя, такие как он и замызганную копейку из принципа подберут.

- Ты хочешь сказать, что Василий понадобился Кабанову просто для создания картины с гипнотическим взглядом? Ну, это сгодится для мелкого мошенника, но никак не для криминального авторитета, протирающего свою бандитскую задницу в кресле высокопоставленного чиновника!

- А ему все равно, эксперимент не завершен, а он старается доводить любое дело до конца, это его принцип! Кстати, Миша, не все так просто с картиной, ее никто не прятал и не уничтожал, она...сбежала!

- Прости, Юра, я тебе больше не наливаю, а то и тарелочки сейчас в форточку прилетят!

- Да нет, со мной все нормально. Ты не слышал, банда мошенников недавно появилась? Женщина у них одна есть, кто на нее посмотрит, сразу любую бумагу подписывает. Может вранье...Однако, женщина та, цыганской внешности, как раз, с большими темными глазами и смотрит, будто в душу тебе влезает. Так что Лёнчика это может сильно заинтересовать. Ну, я с ним поговорю!

- Перестань, не связывайся, под ним кого только нет. Всех купил, а кого не смог купить, убил, а ты ему морду опять бить пойдешь!

Да, Кабанов все правильно рассчитал. Несмотря на уговоры, Юрий Сергеевич все же пришел к нему с решительным и жестким разговором. Да не на какую-то «малину», а в просторный кабинет высокого уважаемого чиновника. На дверях кабинета, как полагается, красовалась внушительная табличка, указывающая на значимость его обитателя. И Ершову немалых усилий стоило пробиться сквозь армию охранников и секретарей.

- О! Какие люди! Сколько лет и зим! Ну, здравствуй, однокашник родной! Не поверишь, со слезами вспоминаю наши студенческие годы. Эх, сколько же воды утекло, сугробов намело и растаяло!

- Слушай, Кабанов! Парня не трогай!

Леонид Егорович картинно поморгал глазами, изображая растерянность и крайнее недоумение, затем, после этакой театральной паузы сказал:

- Какого парня? У тебя вроде детей нет! Или уже появились, так давай за это и выпьем. А вообще-то, что за фамильярный тон? Ты чем-то недоволен, ругаться пришел? Извольте тогда следовать правилам – у секретаря на прием запишитесь и в назначенный день, где-то в следующем месяце, приходите, изложите свою жалобу. Знаешь, если вспоминать молодость пришел, это одно, а требовать – уж извините! Дверь за спиной!

- Знаешь ты все! Я про Варнавского Василия говорю. Я догадываюсь, для чего он тебе понадобился!

- А кто это? Варшавский...

- Только не надо придуриваться, это студент художественного института. Он талант от Бога и картины его живые! Вот, что тебе нужно!

- А, то есть ты думаешь, мне нужно, чтобы он мой портрет нарисовал? А что, неплохая идея!

Юрий Сергеевич замахнулся на мерзко хохочущего Лёнчика, но тут уже подоспела охрана и удара не получилось.

- Так! Что же, все как по нотам. Дебош у меня в кабинете зафиксирован? Зафиксирован. Замечательно! - подытожил Кабанов, оставшись в кабинете в одиночестве. Затем он не торопясь снял трубку телефона:

- Доброго времени суток, товарищ спортсмен! Мышцу накачал? Дело есть. Важное. Кстати, сколько у тебя народу? Мне кажется, у тебя один лишний. Ну, заходи, обсудим.

Положив трубку, Леонид Егорович красивым театральным жестом поднял правую руку вверх, и тихо произнес:

- Бедный Ёрик!

Глава 9

Паранойя власти

Тяжелым камнем сон навалился на измученную Васину голову, и она безвольно рухнула, уткнувшись лицом в левую руку. Сквозь мутную пелену он внезапно почувствовал нежное прикосновение мягкой «шерстяной» лапы, казалось, будто ласковый котик нежно поглаживает его, осторожно спрятав свои когти. По измученному лицу пробежала слабая улыбка.

Юрия Сергеевича хоронил не только весь институт, казалось, весь город пришел на похороны, настолько его тут уважали. Люди пребывали в полном недоумении, почему вдруг уважаемый приличный человек набросился на эту пьяную компанию. А за некоторое время до этого, с боем пытался ворваться в кабинет первого секретаря райкома, товарища Кабанова и устроить драку. Это было совершенно не характерно для него. В результате всех этих невероятно странных событий, Юрий Сергеевич убил какого-то забулдыгу и сам был убит.

В городе реально что-то сломалось, и никогда ему уже не суждено было остаться прежним, изменилась вся логика его существования, опровергнутая мерзкой нелепостью. Случившимся были потрясены жители не только города, но и всего района. От самого простого работяги до высокого руководства. С невероятно трогательной речью выступил сам Кабанов Леонид Егорович:

- Юрий Сергеевич Ершов, личность в нашем городе, я не побоюсь этого слова, легендарная. Когда-то давно мне выпала честь учиться на одном курсе с этим талантливым человеком в нашем художественном институте. Помимо великого таланта он обладал стойким бескомпромиссным характером. Всегда там, где была несправедливость, он без раздумий вступал в бой. Это был человек долга и чести! Да, он честно отдал свой долг Родине, служа в армии, также честно выполнил свой интернациональный долг. Несмотря на тяжелое ранение, выжил и вернулся снова в мирную жизнь, продолжая нести доброе и вечное, обучая молодое поколение художественному искусству. Осиротела в нашем городе единственная студия, которой он отдал почти всю свою жизнь. Думаю, ректор художественного института не даст пропасть ученикам Юрия Сергеевича. Покойся с миром, Юра!

И было еще много цветов и речей. Но все это больше напоминало некий спектакль абсурда, поскольку у каждого события в жизни обязательно бывают какие-то причины, а в данном случае их не было. Так, осталось совершенно непонятным агрессивное поведение Юрия Сергеевича в приемной Кабанова. По словам секретаря, он не смог внятно объяснить свое желание встретиться с Леонидом Егоровичем. И что связывало Ершова с той пьяной компанией? По утверждению свидетелей инициатором потасовки был Ершов.

Василия, как и всех мучили эти загадки. Но еще у него появилось четкое ощущение чье-то присутствия в пространстве вокруг себя. Он никак не мог это сформулировать, казалось, вроде бы увидел чье-то очень знакомое лицо на печальной церемонии, но так и не мог вспомнить чье. Он хотел поделиться

этими своими переживаниями с Ребровым, а заодно извиниться перед ним за свои нелепые подозрения в его причастности к своему фиаско в последнем конкурсе. Только в институте его не было, сказали, что он подал заявление об уходе. Василь тут же побежал к нему домой.

- Михаил Петрович, почему вы уходите из института? Неужели это из-за меня? Простите меня, я был совершенно не прав в своих глупых подозрениях и в том, что нагрубил вам. Поверьте, это просто эмоции!

- Да нет! Что ты, Василь, я это все хорошо понимаю! Просто мы с Виталием Борисовичем обсудили сложившуюся ситуацию и пришли к выводу, что для нас сегодня важнее всего продолжить дело Юрия Сергеевича. Он был моим лучшим другом, и моя кандидатура лучше всего подходит для этого. А вашим куратором теперь будет сам товарищ Гусенко. Разве это плохо, когда твой куратор ректор института?

Они еще долго говорили об искусстве и людях, отдавших ему свою жизнь, но напоследок Михаил Петрович вдруг бросил странную фразу:

- Василь, береги себя. Нам всем теперь будет очень непросто!

Примерно в это же время за дверями кабинета Кабанова тоже происходила беседа.

- Леонид Егорович, я Реброва уволил из института, пусть работает теперь в студии вместо своего друга, Ёрика! Все остальные теперь в моих руках. Может быть, уже пора Варнавского с вами познакомить?

- Дурак ты, Гусенко!.. Виталя Борисович! – Кабанов уже изрядно «проводил в последний путь» Ершова и разоткровенничался:

- Я тебя, Гусь, ректором сделал в надежде на активную работу твоего мозга, да, видать, поторопился! Думаешь, я упрашивать буду этого вашего Варшавского или как его: «О, великий мастер, наваяйте мне, будьте так добры, портрет бабы с выпученными глазами, чтобы она людишек, как кроликов «магнетизировала». Да мне плевать на это! Мне не это нужно! Пойми, все эти жалкие таланты – рисовальщики, писаки, да пииты... подумаешь, они там что-то умеют! Вот же экая невидаль! Я умею главное – я умею их всех иметь!

- Леонид Егорович, я стараюсь! Я же все...по вашему плану! Что мне теперь делать-то?

- Да живи пока, ректор! Такая комбинация мне в этом во всем видится, сам Шекспир позавидовал бы! За тобой его дружок Гена и девка эта его ... все время забываю, Васильковская! Классно было бы, чтобы ты этого Генделя за бугор на

стажировку отправил, и чтобы бабу Варшавского с собой он прихватил! Но это потом! Прежде всего, я займусь его родителями. Вот тогда мы и посмотрим, кто истинный талант. Что вообще их талант значит против моего таланта – таланта власти?

Да, что-то Лёнчика развезло на этот раз, не в его-то правилах было так уж откровенно посвящать кого-либо в свои планы. Но Гусь, так в свое время звали Виталия Борисовича Гусенко, уже давно на волоске висел и дышал, пока этого хотел Кабанов.

И он действительно не понимал, чего не хватает Кабанову. Деньги и власть, известность и шикарное жилье (еще и не одно), и фантастические заграничные шмотки – всего вдоволь. И все это давно уже находилось под надежной защитой от любых посягательств. Мог ли он представить себе, что начиная с какого-то определенного момента, столь необузданное стремление к совершенству своей безграничной власти перерастает в тяжелое заболевание. Когда уже и не так важны какие-либо определенные действия или какая-то конкретная победа, когда важнее всего осознание, что всё подчинено тебе и живет лишь по твоему указанию. И нет в мире никаких способностей и талантов, чтобы превзошли твое величие!

Однако страшнее всего было то, что Леонид Егорович педантично доводил все свои дела до конца. И никакие препятствия, даже нравственного характера, не смогли бы его остановить. Это был его главный принцип – власть выше любой морали!

А между тем, в жизни города произошло что-то непоправимое. Логически выверенное и привычное для всех течение событий сменилось вакханалией сюрреалистических шоу. Исчезло чувство реальности. Здравый смысл пытался было сопротивляться, но куда там, Зло совсем распоясалось от безнаказанности и вседозволенности. Не прошло и года, как затихшая понемногу боль от нелепой смерти уважаемого всеми человека, ударила с новой силой ...

Василий отказывался верить в случившееся – оно просто не имело права на существование. Но произошло. Его родители погибли в автокатастрофе. Какая-то пьянь не справилась с управлением своего самосвала...

- Господи, за что мне это? Зачем ты отбираешь у меня самых близких людей? Если я в чем-то виноват, покарай меня!

Он был совершенно уверен в своей виновности, и что это такое изощренное наказание – постепенное опустошение пространства вокруг него. Осталось всего

два человека из его близкого окружения – Лена и Гена. Они крепко держали его с двух сторон, предотвращая от неизбежного падения.

Тая, конечно, не могла не знать о случившемся. Она тоже была рядом, но всегда старалась оставаться в тени, не желая вмешиваться в Васину семейную жизнь. Несколько раз ей показалось, что он заметил ее, пришлось «разубедить» его в этом. Да, это было не совсем честно и далеко небезвредно, но ему было бы еще хуже знать о ее существовании. А так хотелось помочь, подойти и обнять его! Только при всех своих неординарных способностях, она не могла знать истинную причину его бед.

Лео тоже старался что-то сделать, но что он мог? Лишь только когда Василий проваливался в глубокий сон, Лео осторожно гладил его лицо, боясь разбудить и напугать. Человеку, стоящему у последней черты, отделяющей от безумия, вовсе ни к чему общаться с «тонким миром». А живые картинки процентов на 60-70 были существами из тонкого - духовного мира. Они обладали необычными для людей способностями, поэтому часто видели нечто такое, что оставалось «за кадром» для реальных людей из материального мира.

Поначалу они целиком были зависимы от своих создателей, так как являлись всего лишь плодом их воображения и вдохновения. И надо заметить, совсем не многим творческим натурам дано достаточно глубоко проникать в миры тонких материй. Все происходит далеко не так однозначно, как в материальном мире и зависит от «силы вдохновения» создателя, но ее нельзя измерить, как нельзя, например, измерить силу любви. Нет таких единиц измерения и средств, им соответствующих. И лишь «одному Богу известно, что и как получится» – так обычно говорят о подобных расчетах.

Если «получалось так», нарисованные картинки приобретали некоторую самостоятельность, что иногда и приводило к их материализации. По своим способностям они превосходили обычных людей, но многое еще зависело от среды их нового обитания. Поскольку физический мир был для них незнаком, они принимали за правило манеры поведения, принятые в данном окружении.

Глава 10

Не может Зло всего...

*Разгулялся Черт на воле,
Думал, нет его сильней
Но не знал он, что на воле
Без него полно Чертей!*

- Здравствуйте Василий Николаевич. Я вызвал вас, чтобы обсудить ваши проблемы. Дело в том, что вы обучаетесь на платной основе. Ваши родители, простите, я понимаю, такое горе... оплатили текущий курс, но за следующий придется платить... кому-то. Пора. Да, войдя в ваше положение, я рассмотрел возможность перевода вас на бюджетное обучение. Но у бюджетников пока вакантных мест нет. А что если вам взять академический отпуск? Придете в

себя немного, какая уж вам сейчас учеба. Может быть, работу найдете, а там, глядишь, и место освободится.

Вот так Виталий Борисович с порога ошарашил Василю. Детство внезапно растворилось в тумане хмурого дня, оставив кучу нерешенных задач. И все они требовали очень срочного решения. Хотя бы в очередь встали, а то ломаются все разом! И как же их решали родители? Разве об этом кто-то задумывался? Все же с организацией похорон институт действительно помог. Однако, вопрос об учебе и качестве дальнейшей жизни, угрюмым айсбергом смотрел на, совсем еще маленький, кораблик Васиной семьи.

Если у Лены с подработкой было все нормально, то Вася никак не мог себе ничего найти. Всей своей душой он сопротивлялся рисованию разных плакатов и украшению татуировками жирных задниц всяких нуворишей и их смазливых подружек. И повсюду, куда он пытался устроиться, требовалась не творческая деятельность, а мазюкание в угоду коммерчески выгодной пошлости. Он еще не готов был даже ради благополучия принести в жертву свою художественную натуру. Это, в конечном итоге, привело к разладу в семье.

У Гены, напротив, дела шли все лучше. Ему светила стажировка за рубежом. Нашлись спонсоры, тут не обошлось без связей Гусенко. В общем, Лена сильно жалела о своем, как она теперь считала, неудачном замужестве. Так старалась и так бездарно промахнулась. Расчеты оказались неверными. И что же теперь ей делать? Уйти? Скажут: «вот стерва, такого парня бросила в трудную минуту!»

Но Вася неожиданно сам подлил масла в огонь. Он все-таки рассказал своим друзьями, и о странном ощущении, будто за ним последнее время кто-то наблюдает, и о том, что на траурной церемонии заметил девушку очень похожую на Таю. Гена сочувственно посмотрел на него и грустно покачал головой:

- Василь, давай все же сходим к врачу. У тебя явно нервный «перегруз» от всех этих печальных событий!

А Лена вообще отвернулась и молча смотрела в окно. Но когда ночью во сне Вася вдруг несколько раз громко произнес имя Таи, ее просто взорвало:

- Ах, вот оно что! Опять эта твоя «живая картинка»! Ну, иди, догоняй ее, она тебе всегда больше нравилась! Знаешь, Вася, всему есть предел! Если ты псих, ложись в больницу, только пусть и ухаживает за тобой эта твоя вечно

бегающая картинка, а мне твоя постоянная беспомощность уже изрядно надоела, прости!

- Ну и вали тогда к черту! Вон, к Генке беги, он успешнее меня, за границу скоро поедет! Ты же принца всегда искала, ну ошиблась – бывает. Да я вижу, как ты на него смотришь! Он как я в розовых облаках не витает, он твердо на земле стоит, и все у него до последней копейки рассчитано!

- Ну, уж если я и смотрю на кого, так на живых людей, а не придуманных чьим-то воспаленным умом монстров!

Так они окончательно разругались, и на этом в их совместной жизни была поставлена жирная мрачная точка. Теперь ее уже не терзали угрызения совести, быстро собрав свои вещи, она навсегда ушла из Васиной жизни. И очень скоро наладила отношения с Геней.

И все же перед отъездом Гена зашел к Василию.

-пустишь?

- Да заходи, бить не буду. Я ее сам прогнал.

- Я знаю. Не хочу, чтобы ты считал меня предателем. Ленка мне никогда не была безразлична, но я не хотел тебе мешать. А тут такое... Я точно знаю, что с тобой у нее не наладится никогда. Но... я не хочу, чтобы она пропала.

В скором времени они покинули страну, а Вася остался один. На жизнь у него деньги пока были, что-то осталось от родителей, что-то друзья собрали, и даже институт помог. Но на обучение этого никак не хватало. А Виталий Борисович только грустно разводил руками, советовал взять академический отпуск и найти работу. Кстати, насчет работы он обещал (по своим каналам) что-то найти для Василия. Однако время шло, ничего не менялось, оптимизма становилось все меньше.

Однажды в дверь позвонили. На пороге стоял аккуратно одетый мужчина. Только взгляд его искрился каким-то хищным лукавством. Дорогой костюм как-то не очень вязался с его уголовной физиономией.

- Здравствуйте, я хотел бы купить в вашем доме квартиру. Хожу вот, ищу. Соседи говорят, что у вас недавно трагические события произошли, и какие-то трудности финансового характера имеются.

- Ну да, времена такие настали. Если уж души теперь продают и покупают, то квартира – сущий пустяк! Кто вам обо мне такое сказал?

- Да все соседи ваши! Все отзываются о вас, как о человеке достойном, но попавшем в очень трудную жизненную ситуацию.

- И вы, значит, хотите у меня эту квартиру купить. Последнее, что осталось у меня в жизни!

- Ну, зачем вы так. Вам трехкомнатная квартира, прямо скажем, великовата будет. Ее надо содержать, платить за нее. А мы вам предложим просто более скромные апартаменты с очень хорошей доплатой. Поверьте, вы не останетесь на улице и решите все свои проблемы. Но я не требую немедленного решения. Безусловно, сначала вам надо ознакомиться с договором. Мы, кстати, очень серьезная организация, не какие-нибудь проходимцы. Давайте проедем в наш офис, там все и решим. Не понравится, так и на здоровье, вернем вас обратно, и живите себе на здоровье, как вам нравится!

- Мне бы работу найти... творческую...

- Ну, не знаю. Поговорим, посмотрим, обсудим. Поехали, в любом случае вы ничего не потеряете!

- Ада Юрьевна! Вот, клиента вам привез. Деньги ему позарез нужны! Надо за учебу срочно заплатить. Извелся совсем парень – либо что-то продать, либо заработать побольше, да поскорее!

За столом сидела солидная красивая женщина, похожая на цыганку, только в деловом стильном костюме. Васю очень поразили ее огромные глаза, что-то неуловимое и очень знакомое было в них.

- Ну, что же, Василий Николаевич, я вас слушаю. Расскажите мне про ваши печальные проблемы. Что заставило вас обратиться к... нам?

Ее низкий голос проникал в самые дальние закоулки мозга, а темные глаза заполняли все пространство. Василий начал было что-то говорить, но язык стал словно ватный, слова постепенно замедляли ход повествования. И вскоре он перестал понимать, что делает и где находится. Его сознание полностью отключилось.

После того, как он подписал все необходимые бумаги, мужчина спросил:

- Ну что, отвезу его подальше отсюда, поближе к Раю. Больше-то он уже и не нужен.

- Нет! Найдешь ему жилье, но подальше от города. Пусть живет.

- Ада, да что с тобой сегодня? Свидетеля решила оставить? Ты хоть знаешь, на чьей территории мы дело провернули? Тут люди серьезнее нас будут, они этого так не оставят. Надо быстрее хату сбegrить и в тень уйти!

- Знаю я все! Мне этот студент странным показался. Чувствую, нельзя его трогать. Ты меня давно знаешь, к моим чувствам лучше прислушиваться. Они меня никогда не обманывают!

Вася очнулся в полупустой обшарпанной комнате. Из мебели были только стол, стул и пружинная кровать со старым матрасом. Посреди этого убранства стоял мужик с деловым видом. Оглядывая Василя, он произнес:

- Ну что, паря, допился? Бывает, знаю. Ты глазами-то не вращай, тут все же лучше, чем в безымянной-то могиле. На вот тебе пузырь... в кредит... новоселье отпразднуй.

- Где я? Что произошло?

- Что, что... квартиру ты свою продал, на вырученные денежки, комнату у меня снял... на месяц. Да ты не переживай, везде люди живут! Не веришь? Вот читай, твой договор! А кто, что – даже и не спрашивай. Знать не знаю!

Вася обхватил голову руками и плюхнулся на стул.

В кабинете Кабанова между тем, было жарко как, как в эпицентре ядерного взрыва. Вся верхушка его славного «Консорциума» стояла, устремив свой взор в красивый паркетный пол. Ленчик бешено орал:

- Вы что, себе уже места в Раю закупили? Боюсь, как бы с ценой ошибочка не вышла! Сегодня цены меняются каждый день, и обломится вам вместо Рая лужа грязная на заброшенном кладбище! Объясните мне, как такое могло случиться – на моей территории орудуют какие-то «залетные черные риэлторы»? Почему я об этом узнал только сейчас? Почему эта история с художником пошла не по моему сценарию? Это я ошибся в расчетах? Нет, это вы кучка бездарных лохов, которых я прикормил! Вот тут, каюсь, мой косяк, но я это дело исправлю! Тебе, Гусь особое спасибо, Варнавский под твоим надзором был. Где он? Я тебя, идиот, спрашиваю!

В общем после «совещания» все остались живы, но они хорошо знали, что это временная ситуация и свою жизнь им еще предстоит заработать.

Тем временем Василя охватило полное отчаянье. Оно ворвалось внезапно и стремительно, как страшная неизлечимая болезнь, поедающая организм. Как же он мог продать родительскую квартиру? Он же и не собирался этого делать! Что же произошло? Это вообще наяву?

- Если это сон, то я когда-нибудь проснусь. Если нет, буду делать что умею.

Он нашел в кармане брюк карандаш, подошел к стене и стал рисовать на пожелтевших обоях. На ум пришли не очень складные стишки, но учитывая его состояние, они были просто гениальны!

Гена, Гена Гендель

Дал ты другу пендель!

Муха к Генделю пошла,

Вот и денежку нашла!

Он нарисовал большую черную муху, плюхнулся на грязный матрас и уснул. Ему приснилось, что муха стала летать по комнате и ругаться на него. Прямо, как Ленка!

- Эй, ты с кем тут разговариваешь, никого же нет! – Спросил мужик, входя в комнату.

- Я это... с картиной разговариваю...

- С картиной, значит! Забавно! И что же она тебе сказала?

- Она на меня ругается...

- Ну, это она правильно делает. Похоже, ты до «белочки» допился, парень. Эх, вызвать бы тебе седьмую бригаду, да в шестую больницу отвезти. В пятую палату, только нельзя мне рисоваться. Да ладно, буяннить начнешь, свяжу, не сомневайся! А что это у тебя тут мухи такие огромные разлетались? Не было их здесь до тебя! С тобой прилетели! Сдается мне, ты у них главный...король!

Тая, наконец, решилась встретиться с Василием. Теперь она уже никак не могла помешать его личной жизни. Она долго думала, как ему представиться, но надеялась, что он узнает ее, и ничего объяснять не придется. Она очень долго звонила. Наконец, дверь открылась, и в проеме появился, внушительных размеров неандерталец с пропитой криминальной физиономией. Дожевывая «закусон» и дыша мерзким перегаром, этот огнедышащий дракон произнес:

- Тебе чего, убогая?

- Я к Васе пришла...

- Ах, к Васе! Так он здесь больше не живет. Продал он свою квартиру и уехал в неизвестном направлении.

Тая внимательно посмотрела в глаза верзилы, все прочитала в его мутных глазах и сменила тон:

- Я адвокат жильца этой квартиры. У которого, вы кстати, незаконно ее приобрели.

- Чего! Ты, коза дохлая, исчезни! И не буди меня тут по пустякам, а то я еще растопчу ненароком!

«Беспредельщик» - поняла Тая и, протягивая ему свой старый студенческий билет, твердым голосом сказала:

- Вот мое удостоверение. Глаза разуй, придурок! За мной серьезные люди стоят. Не хочешь со мной разговаривать? Что же, придется поговорить с другими. А они тебе популярно растолкуют, кто есть кто. И насчет козы лекцию прочитают, ты не в своей пивной, тут за базар ответить придется!

Верзила тупо уставился в студенческий билет. Проклятый звон в ушах мешал ему сосредоточиться. Он по слогам прочитал:

- «Самый главный адвокат города, Удавкина Т.Я.» Ой, ну вы сразу бы так и сказали...да вы проходите...я это...я-то сам не в теме.

- Вижу, что не в теме. Рассказывай, кто, что и, главное, где!

- Ада Юрьевна! Вот, привез адвоката, самый главный адвокат..., - он запнулся, оценив, наконец, всю неловкость ситуации, его провела... обычная девчонка.

Ада сразу поняла, что произошло и, недобро улыбаясь, сказала:

- Пойди вон! Теперь уже без тебя разберусь.

- Ты кто? – Спросила она, обращаясь к Тае – Постой, не говори... просто думай!

Они долго молча сидели и смотрели друг на друга. Как оказалось, им слова не так уж важны были для общения. Ада закрыла глаза, по ее щекам потекли слезы.

Глава 11

Ада

Все, о чем мы думаем, может материализоваться! Не всегда, только при определенных условиях, которые пока не определены наукой. Но уж если имеется, хотя бы, ничтожный для этого шанс, то необходимо осознавать всю ответственность за свои мысли!

Как это часто бывает, во времена тяжелых испытаний снятся добрые сны. Они сумбурны и порой не имеют сюжета, но вселяют большую надежду на то, что все плохое – это и есть сон, и стоит только проснуться, как оно бесследно уйдет! Возможно, это и есть защитная реакция организма на тяжесть наших переживаний.

Василий проснулся от того, что у него сильно чесалась левая рука. Сонно протерев глаза, он увидел стоящую возле его кровати девушку. Лицо ее было знакомо, но он никак не мог вспомнить, где и когда ее видел. Вдруг, порция адреналина горячей волной ворвалась в его сердце – это же Тая! Да, это Тая стояла посреди заброшенной полупустой комнаты и, улыбаясь, смотрела на него.

- Как же я боялась потерять тебя снова! Чуть не опоздала...

- Значит, я действительно видел тебя на похоронах у родителей.

- И не только, я часто наблюдала за тобой издалека, но подойти боялась, ты тогда с Леной был. Давай сейчас не об этом. Поехали домой.

- Тая, ты не поверишь, я продал свою квартиру. Не знаю, как такое могло получиться,... все как в тумане было или как во сне...

- Я все уладила с квартирой. Ты ни в чем не виноват, но нам надо быстрее ехать, и по дороге еще к Реброву заглянуть. По пути мы все тебе объясним.

- А кто это, мы?

- Все сейчас сам увидишь, только не пугайся.

Они вышли из дома и подошли к стоящей неподалеку машине. Василий вдруг застыл. За рулем был тот самый... с лисьей криминальной мордой... а рядом сидела Ада Юрьевна.

- Не бойся, Василий Николаевич! Присаживайся, - предложила она и, уже обращаясь к водителю, сказала, - Лука, давай к Реброву! Там нас высадишь, и потом всей командой линяйте из города. Причем все это надо сделать как можно быстрее,... если жить еще хочется.

- А как же ты?

- А у меня здесь еще дела остались. Главное, мотайте подальше отсюда, меня не ждите и не ищите!

Увидев Аду, Михаил Петрович застыл, будто его парализовало. Он хотел что-то сказать, но никак не мог подобрать подходящие слова. Ада, понимая его потрясение, начала сама:

- Вижу, ты меня узнал, Миша. Да, я та самая цыганка, которую вы с Юрой нарисовали много лет назад. Так бывает,... когда художник вкладывает свою

душу в картину, она ее принимает. Когда Лёнчик Кабанов попался на своих криминальных сеансах по манипулированию людьми, он решил избавиться от картины, которую обманом получил от Светы. А я так не хотела, чтобы меня сжигали. Я сбежала! Не знаю, как это произошло. Получив душу, потом и тело получила... наверно от страха.

- Если бы не узнал тебя, ни за что бы, не поверил. Бред какой-то! Но я же помню каждый штрих той картины! – Ребров внимательно разглядывал Аду.

- Более того, сегодня я узнала, что не одна такая. Вот еще девушка Тая, она влюбилась в своего создателя Василия, но сбежала от неразделенной любви! Он не считал возможным жениться на картине и предпочел живую девушку. Но, обретя человеческий облик, нам пришлось принять и образ жизни людей, в общество которых мы попали. И так вышло, что я стала жить обманом людей, а Тая их исцелением.

- И что же теперь? Какие у вас планы на дальнейшую жизнь? Вы, надеюсь, уже окончательно определились с вашим окружением? – спросил Ребров.

- Прежде всего, надо исправить все то, что еще поправимо. Я вижу, Миша, ты что-то знаешь. Страх сжигает тебя! Да ты можешь ничего не рассказывать, это не имеет значения. Такие существа, как мы с Таей, способны читать чужие чувства. И даже нет необходимости выражать их словами.

- Я же Юрку предупреждал, что с Кабаном не надо связываться, только он такой взрывной, мне было его не остановить. А Ленчик... задуманное всегда доводит до конца. Поэтому я предполагаю...

Тут Ада прервала его, возможно, все «прочитав», что за последнее время накопело в его измученной душе:

- Миша, остальное мне сам Ленчик и расскажет. Даже то, чего не захочет!

В этот момент в дверь позвонили. На пороге стояли, весьма серьезного вида, «люди в штатском».

- Вот как! Вся компания в сборе. А мы их ищем по всему городу. Придется вам проехать с нами, – сказал один из них, протягивая удостоверение.

- Ну, только не всем! Вы в очередной раз неточно выполняете указания Леонида Егоровича! Он вам разве так сказал? К удостоверению-то надо еще и голову иметь, а не пенек для головного убора! Вы и так уже провалили все, что могли, так вам нейдет что-то еще испортить!

Своим уверенным тоном Ада поставила в тупик всю эту грозную компанию. А Ребров и Василий с изумлением наблюдали за происходящим.

- Так! Сейчас быстро едем на квартиру к Варнавскому, там оставляем его с моей помощницей. Затем, как можно быстрее, к Кабанову, у нас будет очень важное совещание. Вы должны обеспечить полную конфиденциальность!

- Оппа! Кого я вижу!- Ленчик пытался скрыть удивление. – Вот и та самая цыганка Ада! Чем же вы теперь занимаетесь, случайно не «кролиководством»? Но, заметьте, на моей территории!

- О чем вы, Леонид Егорович? Как можно с! Мы все по понятиям делаем! Студент на месте, цел и невредим в своей квартирке сидит, картинки рисует. А вам-то он на что? Портрет для некролога заказать желаете?

- О, как мы заговорили! Сразу видно, мадам в теме. А что! Ваши навыки, да нашим людям, точно, не помешали бы!

- Сотрудничать предлагаете? А как же Юра, как же родители Варнавского? Ты Ленчик - душегуб, однако!

- Да я ни при чем! Я сам был потрясен до глубины души!

- Не надо кривляться, Кабан! Я души читаю, как книги! Правильно про тебя говорят, что все свои зловещие замыслы ты до конца доводишь. Да уж, ловко придумал – подстроенная драка, нужные свидетели, пьяный водила – тюрьма и могила! Ни одного свидетеля! Кроме тебя, да «силовика» твоего. Остальные-то нужных подробностей не знают!

- Ада, жизнь такая! Есть волки, есть овцы... и все! Другого не дано! Ты сама, я так понимаю, не благотворительностью занимаешься.

- Да, верно. Только Юру я тебе не прощу! Да ты на кнопочку под столом не дави, никто спасать тебя не придет. Все твой приказ выполняют. Ох, и как же душно здесь! Неужели кондиционер не можешь приобрести? Все равно не на свои деньги-то. Окно, хоть, открыл бы. Дышать совсем нечем, а тебе свежий воздух нужен!

Подлетая к земле, Ленчик успел подумать:

- Кто выше поднялся, тому больше падать.

Утром Ада с Таей и Ребров с Василием, вместе отправились на кладбище и положили цветы на могилы Васиных родителей и Юрия Сергеевича. А потом, вернувшись домой, помянули, погрустили, да поплакали. Ада все сокрушалась, что приди она на год-полтора раньше, все могло бы быть по-другому. Хотя, все понимали, что у любой истории есть только одно направление. И все плохое, что произошло в жизни, «переиграть» не

получится. Даже если предположить возможность перемещения в какую-либо точку на оси времени, нельзя быть уверенным, что сделаешь лучше.

Так они сидели за столом и мирно рассуждали о жизни, рассказывали свои истории. Но ближе к вечеру Ада обратилась к художникам:

- Ребята, у меня к вам просьба. Я так много плохого сделала в этом мире... Мне тяжело с этим дальше жить, поэтому я хочу вернуться домой. Вы знаете, что надо делать!

Они все поняли, Вася достал холст и стал рисовать Аду. Михаил Петрович помогал, вспоминая во всех подробностях ту самую старую картину, которую Ада считала своим домом.

На следующий день в квартиру Василия явились сотрудники милиции. Они сообщили, что Кабанов Леонид Егорович выбросился из окна, и что они ищут возможного свидетеля – женщину цыганской внешности. Она, вероятно, была последней, кто с ним общался. Увидев картину, один из них спросил:

- А это вот кто? Не та ли женщина, которую мы ищем?

- Вряд ли, Это картина моего учителя Ершова Юрия Сергеевича. Вы наверно знаете, что его убили. Вот, я решил ее немного отреставрировать, а то она уже много лет где-то в чулане валялась, – ответил Василий.

- А вы не видели похожую женщину? Как на этой картине, цыганку...

- Да тут много всяких ходило, искали квартиру для покупки. По-моему, это так называемые «черные риэлторы». Сейчас полно всяких проходимцев ходит, возможно, среди них была и цыганка.

- По описанию она очень похожа на женщину, изображенную на картине!

- Ну, вы же не хотите сказать, что цыганка с картины вдруг ожила, стала бегать по улицам и всякие чудеса вытворять? Побегала, побегала, потом, когда ей уже осточертело быть человеком, решила вернуться обратно в картину! Вот, соскучилась!

Немного обескураженные, сотрудники милиции удалились, а старший все время оглядывался на картину – так все совпадало с описанием. Тут у Василия зачесалась левая рука, да так настойчиво, что он стал ее разглядывать. А там Лео махал ему лапой и подмигивал. Столько лет он молчал, а тут неожиданно заговорил:

- Ну, Василь, ты даешь! Так популярно им все объяснил! Молодец, друг!

Глава 12

Так все успокоилось...

*Когда-то закончится холод и дождь,
И буря покорно уйдет за горы.
Зло вскрикнет и выронит острый свой нож,
И пусть теперь улыбается город!*

Однажды светлым сентябрьским утром на пороге художественной студии одного маленького городка появились два очень похожих человека. Только один из них был большой и взрослый, а другой совсем маленький человечек – мальчишка лет пяти. И по всему было видно, что взрослому тут уже все

давно знакомо, а вот мальчик здесь оказался впервые. И поэтому он широко раскрытыми восторженными глазами разглядывал будущих художников, стоящих у мольбертов. Он почему-то был совершенно уверен, что именно здесь готовят настоящих волшебников.

И тут вдруг самый главный магистр этой сказочной мастерской, взмахнул своими руками, будто это были волшебные крылья и, с широкой улыбкой на добром лице, подлетел к посетителям:

- Привет, привет! Ах, какие люди! Наконец-то Василий Николаевич, вы к нам на экскурсию привели своего сына?

- Здравствуйте, дядя Миша! Вот подумал, не пора ли уже моему Николаю Васильевичу серьезными делами заняться? А то дома всю бумагу извел и на стены теперь покушается, мама очень недовольна!

- Ну что же, учитывая все то, что я знаю о вашей замечательной семье, я готов принять Николая Васильевича в наши славные ряды хоть сегодня!

Взяв небольшую стопку листов бумаги и карандаши, Михаил Петрович обратился к Коле:

- Итак, мой юный Падаван, вот вам все необходимые инструменты, отправляйтесь за тот стол и покажите нам свое искусство! – затем, обращаясь к Василию, спросил:

- Ну, Василь, рассказывай, как вы там поживаете! Давно уже не виделись - все дела, да дела! Как Таисия Львовна поживает? Как ты сам?

- Тая вся в работе – то в больнице сутками трудится, то в училище лекции читает по общему массажу и по психологии. Есть идея открыть свою клинику. В перспективе, конечно, пока первейшая задача воспитать сына и дать ему достойное образование. А я все со студентами! Вот, готовим очередную студенческую выставку. Пользуясь случаем, приглашаю! Уверяю, там точно будет на что посмотреть. О своей выставке тоже думаю, хочу реализовать свою давнюю мечту - «Сказочные герои детства», но это пока еще в проекте. Да! Генка недавно звонил, они с Ленкой собираются скоро сюда приехать! И тоже, представляете, с выставкой!

- Ну, сплошные выставки! Я искренне рад за вас, ребята, обязательно посмотрю. А скажи, как Ада? Не скучно ей в ограниченном-то пространстве?

- Скучать ей некогда, - тут Василий приглушил голос и продолжил едва ли не шепотом, - Все, что Коля рисует...

Вдруг одна из учениц с визгом отпрыгнула от своего мольберта и дико закричала:

- Михаил Петрович, смотрите, таракан! Ой, какой противный и огромный! Вон, из-под вашего стола, страшный такой, выползает!

Василий бросился к сыну:

- Коля! Не надо здесь никаких тараканов рисовать, ты же не у себя дома! Разве можно рисовать живых тараканов, где попало! Ведь это не всем людям понравится!

- Что же, мне не живых рисовать? Я не умею! Да и зачем, когда все вокруг живое? – обиженно ответил Коля.

- А как тебя тетя Ада учит? Рисунки должны жить на бумаге, это их дом! А в гости ходят только с разрешения взрослых! Понятно? Теперь лови своего таракана, чтобы он тут больше никого не напугал! Отнесем его домой, а там ты нарисуешь ему красивую коробочку, и тетя Ада его туда определит.

Потом Василий наклонился и прошептал на ухо Михаилу Петровичу:

- Вот такие дела! Все, что он рисует, становится живым! Он даже не знает, что может быть иначе! Если бы не Ада, квартира давно бы превратилась в зоопарк! Да что там зоопарк, настоящие джунгли с дикими зверями! Только Ада в состоянии их вернуть на «Родину».

- Да, весело у вас! Значит, и мне теперь скучать не придется. Думаю, Аде Юрьевне следует изменить своим принципам и иногда наведываться... для поддержания порядка. Да и вообще... пусть приходит.

А тем временем, над мирным городом растекался светлый и, почти полетному, теплый день! Его тепло передавалось людям, вдохновляя их на всякие добрые дела. И пусть они не осознавали всю физическую сущность происходящих процессов, зато они верили! Верили в то, что этим миром управляет добро, а зло существует лишь для укрепления человека в этой вере и проверки прочности его души.

Где-то там, далеко впереди, где воображение сливается с реальностью, есть все то, к чему надо стремиться. Там слова не имеют значения, поскольку даже самые красивые из них и удачно расставленные, не способны точно передать всей глубины чувств. Живые картинки, являясь материализованным плодом фантазии человека, легко сочетают в себе духовные и физические проявления мира. Только они, как дети изначально зависят от воображения своего создателя и принимают образ жизни тех людей, среди которых живут.

И в итоге получается так, что все зависит от человека, от его доброго или больного воображения, и от той среды, которую он создает вокруг себя.